

ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

10.3

3 выпуска в год на множестве языков

Социологический разговор
с Робертом Каттнером

Йоханна Грубнер

Климат и изменения

Резуан Сиддики
Маркус Виссен
Вишвас Сатгар
Джоан Фицджеральд

COVID-19:
пандемия
и кризис

Махмудул Хасан Ласкар
Аттила Мелег
Ильяна Оливье и Мануэль Грасиа
Бригитте Ауленбахер, Петра Эззеддине, Дора
Габриэль, Михаэль Ляйбльфингер,
Кинга Миланкович и Вероника Прилер
Дев Натх Патхак
Мишель Григоло и Крейг Ланди

Теоретические
перспективы

Сайед Фарид Алатаас

Некролог:
Йогендра Сингх

Мир Сухил Расул

Новые образы общества

С. А. Хамед Хоссейни
Барри Гиллс
Скотт Тимке
Шелин Гомес

Социология
Шри-Ланки

Сири Хеттиге
Субханги М. К. Хэрат
Калинга Тюдор Сильва
Фарзана Ханиффа
Премакумара де Сильва

Открытый раздел

> Проблема пластиковых отходов в Китае

ЖУРНАЛ

International
Sociological
Association
isa

ТОМ 10 / ВЫПУСК 3 / ДЕКАБРЬ 2020
<https://globaldialogue.isa-sociology.org/>

ГД

> От редакции

В разделе «Социологический разговор» представлено интервью с известным журналистом Робертом Каттнером, который обсуждает релевантность взглядов Карла Поляни для анализа современности. В первой части интервью обсуждается политическая и экономическая ситуация начала двадцатого века, затем анализируются современные тренды глобализации, потребность сильных национальных экономик в усилении демократических процедур и вопросы исключения и интеграции в эпоху растущей международной миграции.

Первый раздел обращается к насущной проблематике сегодняшнего общества – изменению климата. С одной стороны, в статьях обсуждаются социальные эффекты климатических изменений, которые не напрямую связаны с экологическими проблемами. К таковым относятся вопросы демократии и миграции. С другой стороны, в статьях обрисовываются возможные альтернативы продолжающемуся экологическому разрушению в капиталистическом обществе.

Когда мы пишем эти строки, пандемия COVID-19 и ее эффекты охватили весь мир, но по-разному. Именно поэтому мы предлагаем читателям раздел, посвященный пандемии, представляющий аналитические заметки из разных уголков мира. В этом блоке представлены статьи из Индии и Европы, посвященные таким различным вопросам, как забота, благотворительность и миграции. Авторы рассматривают также перспективы развития публичной социологии во время локдауна.

Кризис, вызванный пандемией, является также отправной точкой рассуждений Сайеда Фариды Алатаса о роли и воздействии социологического мышления и теории на общество.

В этом номере мы вспоминаем основателя индийской социологии Йогендру Сингха, который ушел от нас в этом году. Мы обращаемся к его исследованиям модернизации и традиции в постколониальной Индии, имеющим непреходящее значение.

Три статьи номера посвящены представлениям о современном обществе и роли социологии в новых условиях. С. А. Хамед Хоссейни и Барри Гиллс развивают трансформационный подход; Шелин Гомес и Скотт Тимке предлагают социологический взгляд на общество.

Региональный фокус в этом номере – развитие социологии Шри-Ланки. В этом разделе, подготовленном Сири Хеттиге, представлена краткая история дисциплины в этой стране и такие различные направления исследований, как конфликты с применением насилия, проблематика национального единства и сочетание антропологического и социологического знания.

В «Открытом разделе» мы вновь обращаемся к проблемам глобализации и экологических катастроф, в данном случае обращаясь к кризису пластика в Китае. ■

Бригитте Ауленбахер и Клаус Дёрре,
редакторы «Глобального диалога»

> «Глобальный диалог» доступен на множестве языков на [сайте MCA](#).

> Статьи присылайте на адрес globaldialogue.isa@gmail.com.

isa International
Sociological
Association

**GLOBAL
DIALOGUE**

> Редакционный совет

Заместители редакторов: Йоханна Грубнер, Кристина Шикерт.

Младший редактор: Апарна Сундар.

Исполнительные редакторы: Лола Бусуттил, Август Бага.

Консультант: Майкл Буравой.

Медиаконсультант: Хуан Лехаррага.

Редакторы-консультанты:

Сари Ханафи, Джеффри Плейерс, Филомин Гутьеррес, Элоиза Мартин, Савако Ширахасэ, Изабела Барлинска, Това Бенски, Чжи-Чжоу Джей Чжэнь, Ян Фритц, Коичи Хасэгава, Хироши Ишида, Грейс Кхуноу, Эллисон Локонто, Сьюзен Макдэниэл, Элина Оинас, Лаура Озо Казас, Бандана Пуркаяста, Рода Реддок, Мунир Сайдани, Айше Сактанбер, Сели Скалон, Назанин Шахрокни.

Региональные редакторы

Арабский мир: (Тунис) Мунир Сайдани, Фатима Разуани, Хабиб Хадж Салем; (Алжир) Сурайя Мулуджи Гарруджи; (Марокко) Абдельхади Аль-Хальхули, Саида Зине; (Ливан) Сари Ханафи.

Аргентина: Магдалена Лемус, Пилар Пи Пуиг, Мартин Уртасун.

Бразилия: Густаво Танигути, Анжело Мартинс Жуниор, Андреса Гальи, Дмитри Сербонсини Фернандес, Густаво Диас, Жозе Гирадо Нето, Жессика Массини Мендес.

Индия: Рашми Джайн, Нидхи Бансал, Прагья Шарма, Маниш Ядав.

Индонезия: Каманто Сунарто, Хари Нугрохо, Лусия Ратих Кусумадеви, Фина Итрияти, Индера Ратна Иравати Паттинасарани, Бенедиктус Хари Джуливан, Мохаммад Шохибуддин, Домингус Эльчид Ли, Антониус Арио Сето Харджана, Диана Тереза Пакаси, Нуруль Айни, Гегер Риянто, Адитья Прадана Сетиади.

Иран: Рейханех Джавади, Нияйеш Долати, Аббас Шахраби, Сайед Мухаммад Муталлеби, Фазезех Хаджехзаде.

Казахстан: Айгуль Забирова, Баян Смагамбет, Адиль Родионов, Алмаш Тлеспеева, Куаныш Тель, Алмагуль Мусина, Акнур Иманкул, Мадияр Алдияров.

Польша: Беата Малучник, Юстина Кошинская, Джонатан Сквилл, Сара Герчиньская, Вероника Пек, Камиль Липиньский, Александра Вагнер, Александра Бернацкая, Якуб Барщевский, Адам Мюллер, Зофия Пенза-Габлер, Ивона Бояджиева.

Россия: Елена Здравомыслова, Анастасия Даур, Валентина Исаева.

Румыния: Ралука Попеску, Раиса-Габриэла Замфиреску, Диана Александра Думитреску, Юлиан Габор, Бьянка Михэйла, Александра Мосор, Мьоара Параскив, Мария Стойческу.

Тайвань: Вань Цзюй Ли, Хун Цун Жэнь, Тао Юн Лу, По Шун Хун, Юй Цзя Чэнь, Юй Минь Хуан, Юй Вэнь Ляо, Бун Ки Линь.

Турция: Гюль Чорбаджогу, Ирмак Эврэн.

Франция/Испания: Лола Бусуттил.

Статьи этого раздела освещают одну из самых насущных проблем современности – **изменение климата**. Обсуждаются его социальные эффекты в отношении демократии и миграции, а также возможные альтернативы, препятствующие дальнейшему разрушению окружающей среды в условиях капитализма.

«Глобальный диалог» продолжает обсуждение ситуаций и кризисов, порожденных **COVID-19**. Статьи, посвященные ситуации в Индии и Европе, охватывают большое разнообразие тем, начиная с дефицита заботы, благотворительности и миграции до перспектив развития публичной социологии во время локдауна.

В фокусе внимания – **социология Шри-Ланки**. В этом разделе представлена краткая история социологии и антропологии этой страны. Особое внимание уделяется постколониальной современности, исследованиям насильственных конфликтов и национального единства.

«Глобальный диалог» стал возможен благодаря щедрому гранту **SAGE Publications**.

> В номере

От редакции **2**

> СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ РАЗГОВОР

Выживание в эпоху глобального капитализма
с Карлом Полаanyi: интервью с Робертом Каттнером
Йоханна Грубнер, Австрия **5**

> КЛИМАТ И ИЗМЕНЕНИЯ

Климатическая миграция в Южной Азии
Резуан Сиддики, Бангладеш **8**

Климатический кризис и вопрос демократии
Маркус Виссен, Германия **10**

После капитализма: демократический экосоциализм?
Вишвас Сатгар, ЮАР **12**

Как городские климатические акции
могут перестроить сообщества
Джоан Фицджеральд, США **14**

> COVID-19: ПАНДЕМИЯ И КРИЗИС

Благотворительность как статус и стигма: локдаун в Индии
Махмудул Хасан Ласкар, Индия **16**

Нехватка заботы? Миграция заботы
и политическая демография
Аттила Мелег, Венгрия **18**

Может ли COVID-19 привести к концу глобализации?
Ильяна Оливье и Мануэль Грасиа, Испания **20**

Встречая COVID-19: забота в условиях совместного
проживания в Центральной Европе
**Бригитте Ауленбахер, Австрия; Петра Эззеддине, Чехия;
Дора Габриэль, Венгрия; Михаэль Ляйбльфингер,
Австрия; Кинга Миланкович, Венгрия; Вероника Прилер,
Австрия** **23**

Публичная социология в Южной Азии во время локдауна
Дев Натх Патхак, Индия **25**

Публичная социология перед лицом пандемии
Мишель Григоло и Крейг Ланди, Великобритания **27**

> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Социальное дистанцирование:
релевантность социологического понятия
Сайед Фарид Алатаc, Сингапур **29**

> НЕКРОЛОГ

Йогендра Сингх: пионер современной индийской социологии
Мир Сухил Расул, Индия **32**

> НОВЫЕ ОБРАЗЫ ОБЩЕСТВА

О потребности (ре)интеграции радикальных взглядов
С. А. Хамед Хоссейни, Австралия **34**

За пределами «коянискатси»: другой образ цивилизации
Барри Гиллс, Финляндия **36**

Растафари и новое изобретение Вест-Индии
**Скотт Тимке и Шелин Гомес,
Тринидад и Тобаго** **38**

> СОЦИОЛОГИЯ ШРИ-ЛАНКИ

Социология Шри-Ланки в глобальном и локальном контекстах
Сири Хеттиге, Шри-Ланка **40**

Шри-ланкийская социология: взгляд сквозь время
Субханги М. К. Хэрат, Шри-Ланка **42**

Размышляя о мире, конфликтах и насилии
Калинга Тюдор Сильва, Шри-Ланка **44**

Анализируя насилие: формирование государства Шри-Ланка
Фарзана Ханиффа, Шри-Ланка **46**

Размытые границы:
антропология и социология Шри-Ланки
Премакумара де Сильва, Шри-Ланка **48**

> ОТКРЫТЫЙ РАЗДЕЛ

Глобализация и зависимость:
проблема пластиковых отходов в Китае
Пинар Темоджин, Япония **50**

“2020-е могут считаться наиболее значимой декадой самого критического века человеческой истории, когда «требование невозможного» становится единственной «реалистической» опцией проявления революционных сил”

С. А. Хамед Хоссейни

> Выживание в эпоху глобального капитализма с Карлом Поланьи

Интервью с Робертом Каттнером

Роберт Каттнер – сооснователь и соредатор журнала *The American Prospect*, профессор Школы Хеллера в Университете Брандейса. В течение длительного времени он работал колумнистом издания *Business Week* и синдиката *Washington Post*. Он является основателем Института Экономической Политики и членом его исполнительного комитета и правления. Каттнер является автором двенадцати книг, последняя из которых – *Can Democracy Survive Global Capitalism?* [Может ли демократия пережить капитализм?]. Скоро увидит свет его новая книга

Роберт Каттнер. Фото из личного архива Роберта Каттнера.

о демократии и выборах 2020 года *The Stakes* [Ставки]. Среди его книг бестселлер *New York Times* 2008 года *Obama's Challenge: American's Economic Crisis and the Power of a Transformative Presidency* [Вызов Обамы: американский экономический кризис и трансформативная президентская власть], монография о финансовом кризисе *Debtors' Prison: The Politics of Austerity Versus Possibility* [Долговая тюрьма: политика затягивания поясов и возможности, 2013 г.]. Самая известная из его ранних работ *Everything for Sale: the Virtues and Limits of Markets* (1997) [Все на продажу: достоинства и ограничения рынков]. Его журнальные статьи, опубликованные в *The New York Times Magazine* и *Book Review*, *The Atlantic*, *Harpers*, *The New Republic*, *New York Review of Books*, *The New Yorker*, *New York Magazine*, *Mother Jones*, *Village Voice*, *Commonweal*, *Dissent*, *Foreign Affairs*, *New Statesman*, *Political Science Quarterly*, *Columbia Journalism Review*, *Harvard Business Review* и *Challenge* посвящены взаимосвязям экономики и политики. Он занимал посты колумниста и национального автора в *The Washington Post*, главного исследователя Банковского Комитета Сената США, исполнительного директора Национальной Комиссии в отношении соседства, возглавляемой президентом Картером, редактором раздела экономики издания *The New Republic*. Он является лауреатом нескольких премий, включая премию Пола Хоффмана Программы развития ООН за многолетнюю работу в области экономической эффективности и социальной справедливости. Интервью взяла **Йоханна Губнер**, научный сотрудник Университета Иоганна Кеплера (Линц, Австрия), заместитель редактора «Глобального диалога».

ЙГ: В книге «*Может ли демократия пережить капитализм*», опубликованной в 2018 году, Вы опираетесь на анализ социальной ситуации в начале двадцатого века, представленный в работах Карла Поланьи, и утверждаете, что сегодня мы сталкиваемся со сходной ситуацией, как в экономическом, так и в политическом отношении. Пожалуйста, разверните этот аргумент для наших читателей и проясните, почему идеи Поланьи полезны для анализа современного капитализма?

РК: В начале двадцатого столетия финансовые элиты и их политические союзники позволили сырому капитализму разрушить другие механизмы социальной жизнестойкости (*resilience*). Эта ситуация была обострена требованиями Версальского мирного договора, который сочетал в себе подход *laissez faire*, ментальность сборщика налогов и политику строгой экономии. В результате жизнь простых людей стала экономически невыносимой, особенно в Германии и Австрии, и массы людей обратились к фашизму. Это произошло потому, что они утратили веру в парламентские институты, и крайняя форма экономического политического национализма стала представляться им наилучшим вариантом политического устройства.

Поланьи выделяет три механизма экономической системы девятнадцатого столетия: золотой стандарт, полная свобода торговли, и представление, что труд является рыночным товаром, который имеет свою цену. Мы обнаруживаем очевидные параллели с современной ситуацией. Бюджетный баланс и фискальное сдерживание выполняют роль золотого стандарта; Всемирная Торговая Организация (ВТО) является носителем идеологии неоллиберализма, продвигающей принцип нерегулируемой глобальной торговли; защита труда сокращается во имя свободной торговли. Мы снова убеждаемся в том, что политика *laissez faire* приводит к экономической катастрофе для простых людей, а политический откат превращается в ультралиберализм.

Еще более поразительно следующее. Послевоенный период научил нас, что в экономическом смысле можно поддерживать капитализм мерами социальной защиты. Так, например, можно обеспечить большую производительность системы и сделать ее более справедливой. Период после 1973 года показал, что в политическом смысле этот баланс очень сложно сделать устойчивым. Капиталисты не любят ограничений и сопротивляются им.

Мы наблюдаем те же последствия, что в 1920-х и 1930-х годах. Когда наемные работники страдают от ухудшения своего социально-экономического положения, а политический центр не предоставляет им достаточной защиты, их политические позиции становятся крайне правыми. В 1990-х годах многие поддерживали умеренно левых, но к этому времени умеренно левые уже поддерживали большую часть неоллиберальной программы.

В настоящее время во главе наиболее могущественной мировой державы – США – стоит неофашистский лидер; неофашизм укрепляет свои позиции в странах старой и новой Европы, а демократических социалистов становится все меньше. Все это – чистый Поланьи.

ЙГ: Кроме этих существенных сходств есть и существенные различия. Современное капиталистическое производство, например, организовано как глобальные цепочки прироста стоимости, которые часто используют «сиюминутное срочное производство». Разве это не отличается от организации глобальной экономики 1930-

годов? Почему, несмотря на различия, анализ Поланьи до сих пор является плодотворным?

РК: Сдвиг в сторону глобальных каналов поставок делает Поланьи еще более своевременным автором. Аутсорсинг крупнейших корпораций в Азию, где рабочих эксплуатируют, а оплата их труда занижена, существенно затрудняет в демократических обществах реализацию социальных контрактов, которые призваны защитить рабочих от капризов рынка. Глобальные цепи поставок – это свободный рынок на стероидах.

ЙГ: В США, Латинской Америке и Европе растет правый популизм. Как связан этот процесс, а также рост неофашизма, о котором Вы говорили ранее с глобализацией капитализма и подрывом государственного регулирования?

РК: Проблема заключается не в глобализации капитализма как таковой. Глобальный капитализм также существовал при системе Бреттон-Вудса, установленной в 1944 году, которая была откровенно ориентирована на предоставление нациям достаточного политического пространства для развития экономики полной занятости, которая была защищена от дефляционного давления глобального частного капитала. Однако версия глобализации, продвигаемая ВТО и Маастрихтским договором в Европе, очевидно, способствует использованию доктрины свободного движения товаров, услуг и капитала (а в случае Европы и населения) и таким образом подрывает способность демократических политических структур регулировать, ограничивать и служить буфером для капитала. Повторю еще раз, смещенные со своих социальных позиций люди примыкают к ультралибералистическим и правым популистам (и довольно часто – как в Боливии – к левым популистам).

ЙГ: В прошлом антикапиталистические движения были выражены интернациональными. Как Вы полагаете, существует ли сейчас возможность и пространство для того, чтобы такие движения вышли за пределы отдельной страны, или стратегические преимущества национального государства – это лучший контекст в современных условиях?

РК: Я предполагаю, что именно национальное государство является локусом политики и демократического гражданства. Но, как показали соглашения в Бреттон-Вудсе (о золотом стандарте) и конвенции ВТО, интернациональная гражданская и рабочая солидарность является важным противовесом власти международного капитала. Проблема заключается в том, что период действия договора в Бреттон-Вудсе был исключительным. На практике в большинстве случаев наблюдается интернационализм капитала, а не гражданства.

ЙГ: В своих работах Вы показали, что после Второй мировой войны в Европе и США беспрецедентное развитие получили «смешанные экономики». Не могли бы Вы описать систему «смешанной экономики» и ее отношение к демократии и автономии государства?

РК: Экономист Пол Самуэльсон называет смешанной экономикой, которая в основе своей является капиталистической, но при этом для нее характерно социальное государство, а в некоторых случаях – государственное планирование и государственная собственность; финансовый сектор и ключевые отрасли производства жестко регулируются. Смешанная экономика также предполагает

>>

регулирование сельскохозяйственного производства, государственную поддержку профсоюзов как легитимных социальных партнеров и другие государственные инструменты, ограничивающие чистый капитализм. Поскольку гражданство ограничено уровнем национального государства, эти политические меры реализуются на национальном уровне. Европейский опыт конфедеративной политики и балансирования ослабил регуляцию капитализма и усилил капитал. Именно это предсказывал и приветствовал Хайек. Поланьи считал смешанную экономику недостаточной в политическом и экономическом смысле. Для него идеальной моделью был демократический социализм.

ЙГ: Задам вопрос, который по-прежнему стоит перед левыми во многих странах: как демократический социализм в отдельно взятой стране может выжить и успешно сопротивляться давлению глобального капитализма?

РК: Для этого необходимо, чтобы в основных странах к власти пришли левые правительства или чтобы работали ограничения в отношении глобального финансового капитала. Красная Вена, которую так поддерживал Поланьи, просуществовала около пятнадцати лет. Потом она была разрушена большим мощными силами. После Второй мировой войны около двух-трех десятилетий мы жили в условиях социал-демократии, если не демократического социализма. В Швеции социал-демократия продержалась дольше. Таким образом, если граждане мобилизуются, демократический социализм в отдельно взятой стране может существовать, по крайней мере, в течение жизни одного-двух поколений. И как сказал Кейнс, в долгосрочной перспективе нас всех ожидает смерть. Однако, если глобальная система в достаточной мере враждебна к национальной социал-демократии, даже такие консенсусные системы, как Швеция и Дания, оказываются в ситуации риска. Социальная поддержка населения и достойная оплата труда понижают конкурентоспособность стран в глобальном масштабе. Глобализм подрывает национальное регулирование экономики. Европейский суд, представляющий интересы глобального неолиберализма на одном континенте, осудил некоторые аспекты скандинавских социальных контрактов как несовместимые с основным законом ЕС. Неолибералы, пришедшие к власти в Стокгольме и Копенгагене, начали намеренно подрывать институциональную логику социальной солидарности. Итак, мы должны подвергнуть ревизии как глобальную систему, так и национальные политики отдельных стран. Это две стороны одной медали.

ЙГ: Вы утверждаете, что сохранение демократии в условиях глобального капитализма возможно при условии сильных национальных экономик. Что, по Вашему мнению, необходимо для усиления роли государства в условиях глобального неравенства, поддержанного инструментами гражданства?

РК: Я полагаю, что справедливая экономика должна быть национальной, поскольку демократическое гражданство является национальным феноменом. Однако, граждане богатых стран, которые потребляют непропорционально большое количество мировых ресурсов, должны также нести ответственность за работу в области природоохранной устойчивости и содействовать росту показателей экономической справедливости на глобальном уровне. *Laissez faire* является лишь одним из возможных механизмов выравнивания глобальных доходов; он сопровождается ростом политического и экономического неравенства в отдельных странах. Этот механизм влечет за собой упадок демократии; он оставляет без внимания климатическую катастрофу. Я совершенно согласен с Николасом Стерном,

который отметил, что глобальное изменение климата является величайшим в истории показателем провала рыночного механизма. Мы можем продвигаться к климатической справедливости и большей глобальной справедливости, если будем ограничивать *laissez faire*, а не способствовать либерализации рынка.

ЙГ: В эпоху, которая в значительной степени сформирована миграционными процессами и перемещением людей, само понятие гражданства, изначально подразумевающее статусное неравенство, оценивается весьма противоречивым образом. Как Вы оцениваете требования отделения демократических прав от гражданского статуса?

РК: Да, вопрос совсем не простой. Демократия неизбежно поднимает вопрос членства. Члены демократического сообщества называются гражданами. При этом достойная демократия распространяет базовые права человека и на тех, кто не является гражданами страны, кто не обладает правом голосования. При таком политическом устройстве, хотя не-граждане не принадлежат к сообществу, они не отчуждаются от доступа к фундаментальным правам человека. Именно такие гарантии легально обеспечивают соблюдение основных договоров и конвенций по правам человека. В целом более устойчивые демократии – например, скандинавские государства – выказывают большую поддержку основных универсальных прав даже для тех людей, которые не имеют гражданского статуса.

Но международные конвенции и договоры имеют смысл, только если их соблюдение обеспечивается национальными механизмами. Конвенция по беженцам (1951 г.), которую подписали 145 государств, предписывает государствам принимать людей, подающих на статус беженца, т.е. тех, кто может доказать, что на родине их ожидает серьезное преследование. Конвенция также гарантирует доступ беженцев к судопроизводству. Но беда в том, что эксплицитные предписания и широкие цели Конвенции игнорируются или отрицаются национальными государствами, поскольку нации, проявляющие враждебность в отношении эмигрантов и беженцев, придумывают различия между экономическими и политическими беженцами, и делают жизнь людей, ищущих убежище крайне тяжелой. Те же уловки используются при нарушении прав наемных работников, хотя, казалось бы, они защищены конвенциями Международной организации труда.

ЙГ: Пандемия COVID-19 и ее социально-политические последствия усугубляют глубокий кризис, который переживают многие страны. В связи с этим, что Вы думаете, о новых рисках в отношении капитализма и демократии?

РК: Пандемия демонстрирует потребность в эффективном управлении и неспособность частного рынка разрешить кризис здравоохранения. Вакцины и режимы диагностики – тестирования – это социальные блага. Страны с эффективными правительствами продемонстрировали себя лучшим образом в сдерживании распространения вируса. Они действовали в координации с ВОЗ и частными НГО, но лидерство, несомненно, было государственным. Возможно, если бы Дональд Трамп был компетентным неофашистом, он бы продемонстрировал эффективность восходящего диктатора. Но он оказался некомпетентным и коррумпированным лидером, и тем самым продемонстрировал потребность не только в сильном, но и в эффективном демократически подотчетном правлении. ■

Адрес для связи: Роберт Каттнер <kuttner@prospect.org>

> Климатическая миграция в Южной Азии

Резуан Сиддики, Университет Ист-Вест, Бангладеш

Дзуд – чрезвычайно холодная зима. Это климатическое явление в Монголии наблюдается все чаще. В сочетании с крайне засушливым летом жестокая зима приводит к массовому падежу скота, что отражается на экономическом положении значительной части населения. Фото: Asian Development Bank/flickr.com. Некоторые права защищены.

Регион Южной Азии, включающий Афганистан, Бангладеш, Бутан, Пакистан, Непал, Мальдивы, Индию и Шри-Ланку, население которого оценивается в 1,836 млрд (почти четверть мирового населения) является одним из самых плотно населенных в мире. Южная Азия является последним фронтиром в борьбе за глобальное развитие. Экономика региона переживает бум, индексы человеческого развития постоянно растут, идет процесс быстрой урбанизации.

Миграция всегда была частью жизни народов Южной Азии. Несомненно, неравномерность экономического роста в разных странах является первичным драйвером мобильности. Однако влияние экологических факторов также оказывает влияние на этот процесс. Еще в доисторических нарративах встречаются свидетельства о массовых переселениях (временных, сезонных или постоянных) в целях сокращения риска переживания частых природных катастроф и аграрных кризисов. Господствующим типом является внутренняя миграция (преимущественно из деревень в города). Международная мобильность также является обычной практикой, особенно в последние два десятилетия, в условиях существенного роста ежегодного оттока мигрантов из этого региона (в основном по типу трудовой или экономической миграции). Транснациональная мобильность между странами Южной Азии объясняется также их длительной общей историей, сходством социально-культурного и экономического стиля жизни и проницаемыми границами.

Реальная уязвимость Южной Азии в отношении изменения климата порождена не столько биофизической

уязвимостью (изменением климатических параметров и экстремальными изменениями погоды), сколько социально-экономической уязвимостью этих обществ, а именно: низкими показателями социально-экономических условий, высокой долей бедного населения, высокой степенью зависимости от сельского хозяйства, недостаточным развитием инфраструктуры, плохим государственным управлением и проч. Согласно данным Глобального Доклада о внутреннем перемещении 2020 года, около 9.5 млн. жителей Южной Азии в 2019 году стали переселенцами благодаря природным катастрофам (наводнениям, муссонным ливням и циклонам). Существует достаточно свидетельств того, что интенсивность, частота и влияние этих чрезвычайных событий усиливаются климатическими изменениями. По оценкам Мирового Банка, к 2020 году число климатических мигрантов увеличится на 18-40 млн. человек, в зависимости от усилий, направленных на решение этой проблемы.

В Южной Азии миграции, вызванные изменениями климата, имеют несколько уникальных характеристик. Во-первых, климатические изменения не являются первопричинами перемещения, а пересекаются с другими социально-экономическими уязвимостями, которые существенно обостряют риски миграции. Все больше данных свидетельствуют о том, что изменения климата уже подрывают экономическое благополучие, нарушая социальную и жизненную безопасность. Кроме того климатические изменения прямо воздействуют на сервисы экосистемы, пищевую безопасность, человеческое здоровье. Они также отрицательно влияют на сельскохозяйственные возможности и средства существования людей, живущих в Южной Азии.

Разрушительные тайфуны все чаще обрушиваются на страны Азии. Фото: Asian Development Bank/flickr.com. Некоторые права защищены.

Во-вторых, нужно понять, что большая часть внутренней миграции в регионе вызвана экономическими причинами; в то же время транснациональная и международная миграция является результатом смешанного эффекта политических и экономических факторов. Изменения климата усиливают влияние этих факторов прямым и косвенным образом.

В-третьих, в большинстве случаев жесткое различие между климатическими мигрантами и другими типами мигрантов не работает. Разнообразные типы мобильности в регионе, характерные для отдельных людей и сообществ, являются стратегиями снижения негативного влияния климатических изменений (и других угроз) на жизнь и способы существования. Все эти типы мобильности не укладываются в единую рамку. Возможно, было бы более полезно сконструировать теоретическую рамку климатической миграции, которая бы учитывала экономическую и политическую миграцию, способствуя выявлению роли прямых и косвенных влияний изменения климата на любое мобильное поведение.

В-четвертых, данные, свидетельствующие о взаимодействии между изменением климата и драйверами миграции, для Южной Азии крайне ограничены. Конечно, это обстоятельство способствует низкому уровню управления миграцией и нехватке политических мер, регулирующих процессы. Более того, взаимодействие между изменением климата и другими факторами (политическими, экономическими, социальными) должны быть более глубоко осмыслены, особенно на микроуровне.

В-пятых, климатические изменения в Южной Азии в основном сказываются на внутренней миграции. Такая миграция часто начинается как временная или сезонная мобильность, а затем перерастает в постоянную. Большинство мигрантов стремится поселиться на урбанизированных территориях и часто следует паттерну миграционной сети или ступенчатой миграции.

В-шестых, транснациональная климатическая миграция является для региона противоречивым феноменом. Нации и правительства стран региона не пришли к консенсусу о природе, паттерне или будущем миграции. Дело осложняется тем, что миграция стала крайне политизированным вопросом и предметом обеспокоенности (чрезмерной) в отношении национальной безопасности.

В-седьмых, страны региона являются основными источниками дешевого труда во многих развитых странах, который управляется в основном билатеральными соглашениями. К сожалению, страны региона находятся в состоянии жесткой конкуренции по поставкам дешевой рабочей силы. Иногда результирующая трудовая миграция рассматривается аналитиками как одна из адаптационных стратегий климатических мигрантов, но это вряд ли соответствует действительности.

В-восьмых, реализация решений по поводу мобильности (или имобильности) в значительной степени зависит от возможностей мигранта и характеристик принимающего общества. Способность общества (в особенности городов) принимать климатическую миграцию до сих пор не слишком возросла. Экологические и климатические мигранты все еще вынуждены жить и выживать на окраине общества.

В-девятых, режим миграционной политики в странах Южной Азии в основном направлен на предотвращение любой мобильности, вызванной климатическими изменениями, поскольку страны стремятся управлять ограниченными ресурсами и сервисами в принимающих урбанизированных регионах. Очень мало усилий прилагается для развития возможностей этих мигрантов и содействия их интеграции. Недавно Индия и Бангладеш выступили с инициативой развития городов второго порядка как дружественных в отношении мигрантов. Однако подобные меры часто оказываются неэффективными, потому что они не способствуют большей социальной справедливости; отмечается также нехватка гуманистически ориентированного планирования развития в регионе. Традиционный элитный дух и широко распространенная коррупция до сих пор являются серьезными препятствиями в реализации таких усилий.

К несчастью, южно-азиатские страны мало сотрудничают в вопросах управления миграционными процессами. Усилия ограничены в основном академической и исследовательской сферами и не находят отражения в планах развития. Инициативы по решению вопроса о нехватке данных с помощью всеобщей переписи населения также являются неадекватными. Вопрос не получит разрешения, если не будут выявлены климатические мигранты, и проблема не будет рассматриваться на уровне государственной и региональной политики. ■

Адрес для связи: Резуан Сиддики <rezsid@ewubd.edu>

> Климатический кризис и вопрос демократии

Маркус Виссен, Берлинская школа экономики и права, Германия

Обсуждая климатический кризис, политику в отношении климата и либеральную демократию, мы обнаруживаем очевидное напряжение. В условиях либеральной демократии борьба с климатическим кризисом с помощью эффективной климатической политики представляется крайне сложной. Это подчеркивает слабые эффекты международных соглашений, которые в последние десятилетия подписали (в основном) либерально-демократические государства. В 1997 году Киотский протокол не остановил подъем углеродных выбросов на глобальном уровне; многие политические акторы выражают сомнения в отношении реализации Парижского соглашения (2015 г.) и существует мало надежды на перспективы более эффективной климатической политики в будущем. Более того, если мы обратимся к таким авторитарным государствам, как Китай, то обнаружим, что, сталкиваясь с огромными насущными проблемами окружающей среды и используя модели развития, основанного на интенсивном использовании углерода, они способны привести в действие основные программы внедрения обновляемой энергии и охраны окружающей среды. В связи с этим возникает вопрос о том, на самом ли деле либеральная демократия обладает достаточными инструментами для решения наиболее важных проблем человечества.

> Либеральная демократия и капитализм – структурная близость

В основании исторических и теоретических напряжений между климатическим кризисом, климатической политикой и либеральной демократией лежит проблема более системного характера. Суть демократии заключается в равенстве. Либеральная демократия обеспечивает равенство всех граждан в сфере политики: голос наемного работника на выборах стоит столько же, сколько голос генерального директора предприятия; между ними нет никаких различий в правовом отношении (они равны перед законом). Без сомнения, такое равенство является историческим достижением.

Но это одна сторона медали. Другая сторона состоит в том, что либеральная демократия систематически изолирует центры социетальной власти от пространства равного политического участия. Предпринимательские решения принимаются приватно, только рамочные условия их принятия оказываются предметом общественного влияния. Кроме того, стейкхолдеры, т.е. все, на кого воздействуют последствия этих решений, – наемные работники, сообщества, соседствующие с фабриками, широкая общественность – не обладают возможностями принять равное участие в процессе принятия решений.

Именно в этом контексте становится очевидной структурная близость между либеральной демократией и капитализмом. Либерально-демократическое капиталистическое государство защищает гражданские и политические права так же, как и право частной собственности. Оно гарантирует равенство в сфере политического участия и в то же время сохраняет нейтральность в отношении фундаментального социально-экономического неравенства, которое выражается в том, что несколько человек распоряжается средствами производства, а большинство может только продавать свою рабочую силу.

Противоречие между внеэкономическим равенством и экономическим неравенством порождает постоянную борьбу. В прошлом эта борьба привела во многих случаях к экспансии либеральной демократии в странах Глобального Севера: женщины успешно боролись за свои избирательные права и усиление роли государства в социальном воспроизводстве. Экологическое движение добилось ограничений в производстве опасных продуктов и процессов производства. Мигранты борются за права гражданства. Рабочие движения добились классовых компромиссов, что нашло выражение, прежде всего, в принятии наемными работниками своей субалтерной роли в капиталистическом способе производства в обмен на участие в доли богатства, которую гарантируют им владельцы собственности. Социальная демократия ратует за экспансию либеральной демократии в направлении развития государства благосостояния, что не ставит под сомнение конститутивное неравенство капиталистического общества. Но помогает регулировать его противоречия.

> Углеродные демократии

С экологической точки зрения проблема заключается в том, что социально ориентированная либеральная демократия всегда была *углеродной демократией* (термин Тимоти Митчелла) в двойном смысле. Во-первых, социальные права, институционализированные в двадцатом веке, являются в значительной мере результатом борьбы наемных работников добывающей промышленности и смежных отраслей, обеспечивающих транспортную инфраструктуру добычи ископаемых. Так, например, происходило в разрушительных для окружающей среды секторах производства, которые играли существенную роль в организации экономической и социальной деятельности, и где, соответственно, рабочие обладали значительной структурной силой. Во-вторых, дизайн распределительных институций делает государства благосостояния зависимыми от углеродозависимого экономического роста.

“Эффективные климатические политики обречены на провал до тех пор, пока не получат признания системные ограничения в решении климатического кризиса в условиях либерально-демократического и капиталистического общественного устройства”

Сформулируем основное экологическое противоречие либеральной демократии как политической формы капитализма: ограничения максимизации экономической прибыли и регулирование основных социетальных противоречий с неизбежностью приводит к социально-экологическим затратам, которые в настоящее время могут переживать экзистенциальный кризис. Эффективные климатические политики обречены на провал до тех пор, пока не получат признания системные ограничения в решении климатического кризиса в условиях либерально-демократического и капиталистического общественного устройства.

Признание этих ограничений не означает, что мы отдаем предпочтение авторитарным способам решения проблем. Хотя авторитарные меры могут способствовать внедрению и ускоренному применению определенных природоохранных мер в краткосрочной перспективе, они не основаны на рефлексивности, необходимой для успешного решения проблем в долгосрочной перспективе.

> **Радикальная демократия**

Рефлексивность предполагает осознанное действие (делиберативность), что возможно лишь в условиях демократии. Противодействие климатическому кризису требует не сокращения, а усиления демократии. Либеральная демократия должна выйти за свои пределы. Ее достижения, которые в настоящее время находятся под сильнейшим давлением авторитарных правых сил, могут быть сохранены путем трансформации либеральной демократии в радикальную. Это означает, что все, на кого влияют решения, должны получить право равного участия в процессе принятия этих решений. Если это произойдет, то возрастет вероятность принятия экологически рефлексивных решений, поскольку участие в принятии

решений будут принимать те, кому придется почувствовать на себе их результаты. Более того, радикальная демократия означает создание институтов и процедур, которые будут продвигать солидаристские формы поведения и таким образом поддерживать демократическое научение и процессы субъективации, которые смогли бы помочь преодолеть господство капиталистической субъективности, нацеленной на максимизацию использования ресурсов.

Исходной точкой для радикально-демократического проекта может послужить идея фундаментальной экономики (*foundational economy*) или инфраструктурного социализма. Эти концепции стремятся переосмыслить и перенаправить экономику таким образом, чтобы она учитывала потребности и интересы социально и экологически полезного производства и сферы услуг – исходила из адекватного понимания труда заботы, от которого мы все зависим, и способствовала развитию инфраструктур, поддерживающих человеческое существование (в таких сферах, как здоровье, питание, мобильность, культура, коммуникация, водоснабжение и электричество). В мире накоплено немало опыта, связанного с общественным контролем разного типа инфраструктур. Хотя такие проекты в последние десятилетия страдали от неолиберальных нападков, во время коронакризиса во многих местах они вновь возродились. Такие проекты предполагают преодоление гендерного разделения труда. Их достижения могли бы быть распространены на другие сферы общественной жизни, которые все еще находятся под управлением крупных корпораций, но которые необходимо поставить под демократический контроль, чтобы они не обостряли своей деятельностью уже существующий климатический кризис. ■

Адрес для связи: Маркус Виссен <markus.wissen@hwr-berlin.de>

> После капитализма: демократический эосоциализм?

Вишвас Сатгар, Витватерсрандский университет, ЮАР, член ИК МСА по вопросам экономики и общества (ИК02) и трудовых движений (ИК44)

Демонстрация движения #FridaysForFuture (Пятницы для будущего) перед зданием биржи Йоханнесбурга. 29 ноября 2019, Южная Африка. Фото: Вишвас Сатгар.

В современном углеродоцентричном жизненном мире капитализма автомобили, пожирающие топливо, хай-тек самолеты, огромные суда и энергопотребляющие небоскребы являются оружием массового уничтожения. Чем больше распространяются ресурсозатратные и углеродоцентричные социальные отношения, тем быстрее изменяется климат. После нарушения функционирования системы существования нашей планеты новая капиталистическая природа в условиях патриархатного одомашнивания, которое управляется и исследуется с помощью научного знания, должна подвергнуться гео-инженерингу. Углеродные отходы должны захораниваться глубоко в недрах нашей планеты. Несмотря на их неконтролируемое воздействие на жизнь на планете, нефтяные вентили будут закрыты только когда последний доллар будет извлечен из этого смертельного ресурса. Логика современного капитализма не сводится просто к отчуждению собственности; она приводит к экоциду, то есть уничтожению условий, необходимых для поддержания человеческой и нечеловеческой жизни на планете Земля. Именно это Маркс называл «метаболическим разрывом капитализма», а Роза Люксембург «захватом природной экономики».

> Конец неолиберализма

Идеалы неолиберализма исторически обречены. Права собственности породили суверенитет капитала, жадные плутократы захватили государственную власть и управляют, руководствуясь жестким инструментализмом, гипер-индивидуализм валоризируется с помощью американизированного потребления, а популистские медиа подтверждают банальность культуры знаменитостей. Самоопределение американизированного и нигилистического капиталистического субъекта является единственно возможным выражением человеческого существования в условиях современной неолиберальной капиталистической цивилизации. Но даже этого недостаточно. Следую-

щий шаг является трансгуманистическим – это утопия био- и цифрового капитала. Мир неолиберальной капиталистической утопии теперь не имеет ничего общего с гуманизмом, поскольку в течение многих десятилетий он порождал структурные неравенства. Это становится особенно ясным благодаря отсутствию врагов: советский социализм прекратил свое существование, рабочий класс находится в состоянии прекарности, природа покорена, и конец истории объявлен. В том, что происходит, нельзя обвинить призрачные левые силы. Однако новые правые – неофашистские порождения этого неолиберального порядка из Вашингтона, Бразилии, Нью-Дели, Будапешта, Москвы и других городов – проявляют готовность жестоко расправиться с любыми вызовами этой утопии, натравливая общественность на козлов отпущения, которыми становится мигрант, чернокожий, «мусульманин», туземец или всякий, кого можно обозначить как «террористическую угрозу».

Эти режимы предрасположены к использованию авторитарного и милитаризованного насилия, поскольку они стремятся защитить представления о нормальности капитализма любой ценой. Однако история показала, как неустойчивы авторитарные режимы. Монополия на применение насилия никогда не является гарантией мирного решения проблем. Даже военные структуры США понимают, что они не могут контролировать мир, погружившийся в климатический хаос, когда США сотрясается от климатических шоков. Война приводит к растрате уже дефицитных ресурсов, это происходит в условиях, когда климатические изменения ставят общества перед тяжелым выбором. В эпоху ядерного оружия милитаризм также имеет свои пределы. Гегемонное правление brutального неравенства закончено, а демос испытывает отчаяние и выражает протест. COVID-19 обострил страдания многих. В то же время демократический субъект может взирать на происходящее с самых разных позиций, поскольку множественные источники цифровой информации предоставляют сведения о социально-экологических условиях нашей жизни. Такой субъект может даже на расстоянии поражаться идиотизму имперской власти, наблюдать за неуместными действиями автократов, и искать вдохновение в проявлениях субалтерной власти улицы. Иначе говоря, хотя капитализм стремится утилизировать неофашистские опции и превращать цифровое пространство в оружие, железный занавес абсолютного угнетения не является нерушимым. Демократия и социализм будут стремиться разрушить его.

>>

> Экоцид как эндшпиль капитализма

Самое ужасное в современном обществе это не капиталистический неофашизм, а Джаггернаут капиталистического экоцида, который угрожает не только условиям жизни на планете, но и самому капитализму. Это делает надежды на второй пришествие фашизма анахронизмом. Мы с содроганием наблюдаем, как углеродный капитал сохраняет свое место в глобальном энергетическом миксе, несмотря на алармистские предупреждения науки о климате, сокращению спроса во время пандемии COVID-19, почти еженедельным сообщениям о климатических потрясениях в разных частях планеты. Трамп лицензировал увеличение угледобычи в США, поместив, таким образом, страну на верхнюю строчку таблицы энергетических поставок. Босонуару поддерживает коммерческие интересы тех, кто продолжает геноцидальное насилие против коренных народов, разрушая биоразнообразие и одобряя добычу около 140 млрд тонн углерода из Амазонки с помощью присвоения подсечно-огневой системы земледелия. В ЮАР углеродозависимые правящие классы строят крупнейшую в мире угольную электростанцию, хвастаясь и предвкушая перспективы оффшорной добычи газа и нефти. Эти примеры углеродной преступности подтверждают, что капитализм и его углеродные правящие классы угрожают всему существу, включая самих себя и приближая конец света.

Самодеструктивная логика экоцидного капитализма сейчас становится совершенно очевидной. Африка, континент, который является имперским подданным Глобального Севера, со времен Берлинской конференции, захвачена интересами люмпен-буржуазии и уже распадается на части из-за климатических потрясений. По экспертным оценкам не менее 200 млн африканцев будут переселены из-за ухудшения климатических потрясений. «Крепость Европа» и «тюремный комплекс США» не смогут удержать наплыв «варваров», потому что эти общества, несмотря на свое материальное благополучие, также будут испытывать серьезные последствия климатических потрясений. Движение солнечного восхода (*The Sunrise movement*), Восстание против вымирания (*Extinction Rebellion*) и *#FridaysForFuture* (Пятницы для будущего) – это движения, возникшие потому, что средняя температура воздуха на планете поднялась на один градус по Цельсию. Когда температура поднимется на 1,5 градуса, возникнет гораздо больше общественных движений, поскольку люди не желают, чтобы иррациональные и экофашистские правящие классы относились к ним лишь как к сопутствующей помехе для своих разрушительных действий.

> Движение в сторону демократического экосоциализма

Многие видят надежду в трех формах борьбы за климатическую справедливость. Эти надежды порождают конвергенцию сил, борющихся за климатическую справедливость, детей и граждан. Первая форма заключается в символическом разрушении нормальности. Здесь лучшим примером является Грета Тунберг и протестные действия молодежи – *#FridaysForFuture*. Голос совсем молодых людей усиливает необходимость развития науки о климате и наоборот. Вторая форма заключается в тактике блокировки использования углерода, включая производственные

цепи добычи топлива. Призывы к бойкотам Макдональдса, Волмарта и Метро, вызванные их вовлеченностью в извлечение прибыли из подсечно-огневого земледелия в Амазонии, или попытки *Ende Gelände* («Ни шагу дальше» – название инициативы – прим. пер.) заблокировать угледобычу в Германии являются примерами такой формы протеста. Третья форма борьбы за экологическую справедливость представляет собой стратегическое разрушение экоцидного капитализма с помощью создания таких системных альтернатив, как политика *Green New Deals* («Зеленый Новый Курс» – ЗНК), которые продвигают ускоренную декарбонизацию, демилитаризацию, системную демократическую реформу снизу, позволяющую народным силам запустить переход к климатической справедливости и сопряженной с нею геополитике. Политика ЗНК, продвигаемая Берни Сандерсом, Хартия Зеленой Справедливости ЮАР и соответствующие политические проекты являются примером таких попыток. В конечном итоге, эти силы также неизбежно столкнутся с экоцидной логикой империализма, и покажут, что Глобальный Юг может делать собственный выбор в отношении климата – выбор, предполагающий глубинные системные изменения, которые приближают демократический социализм.

Ключевая демократическая системная реформа, которая должна стать центром глобальных изменений – это мировая «ре-аграризация» на основе пищевого суверенитета и агроэкологии. Этот проект был запущен около двух десятилетий назад глобальным крестьянским движением Виа Кампенсина. Согласно этому проекту, каждое сообщество, каждое сельское поселение или город планеты должны следовать демократической экосоциалистической альтернативе. Эта задача была также сформулирована в недавних Докладах о биоразнообразии и о землепользовании, подготовленных Международной группой экспертов по биоразнообразию, сервисам экосистемы и изменениям климата. Все эксперты утверждают, что монопромышленные, углеродоцентричные и глобализированные пищевые системы вносят вклад в процесс нашего вымирания.

В конечном счете, экологические горизонты современного социализма будут определяться биологическими катастрофами (подобными COVID-19), глобальным потеплением, климатическими потрясениями, ростом неравенства и человеческим стремлением продолжать жить на этой планете. Вода, земля, биоразнообразие, океаны и биосфера представляют собой глобальные общие блага. Они вносят свой вклад в противостояние природы капиталистическому экоциду. Бесконечность природы и конечность человеческого существования станут определяющими в следующий период социально-экологической истории. Именно это сочетание макроусловий заставит экосоциализм глубже узнать индигенные традиции земного существования, отказаться от продуктивизма и отчужденного отношения к природе. Именно такую позицию Маркс называл «позитивным гуманизмом». Медленный мир, действующий в соответствии с метаболическими циклами природы – это наша единственная надежда. Такой мир никогда не умирал; он просто был вытеснен в теневую сферу колониальным, неолиберальным и имперским насилием. ■

Адрес для связи: Вишвас Сатгар <Vishwas.Satgar@wits.ac.za>

> Как городские климатические акции могут перестроить сообщества

Джоан Фицджеральд, Северо-Восточный университет, США

Маргарет Гордон на митинге, организованном участниками Проекта экологических показателей для Западного Окленда. Июнь 2016. Фото: Брук Андерсон. Изображение предоставлено Проектом экологических показателей в Западном Окленде.

Пандемия COVID-19 проявила два видения города. Одно из них представляет образ расово и этнически несправедливого города, который является реальностью современного общества. В американских и европейских городах смертность от COVID-19 выше в районах, где проживают люди с более низкими доходами и в сообществах, где проживает цветное население. Эти горожане живут в кварталах с высокой степенью загрязненности среды: чернокожее население и латинос в США статистически чаще болеют астмой и подобными заболеваниями, и это делает их более уязвимыми в отношении вируса. Перенаселенность жилища делает дистанцирование в домашнем пространстве невозможным. Вблизи таких жилых домов часто нет необходимой инфраструктуры – ни парков, ни продовольственных магазинов.

Однако кризис обнаружил также иное видение, которое рисует картину новых возможностей, восстановления справедливости. Такой образ предполагает сочетание действий в отношении климата и борьбы против расовой и экономической несправедливости. Продвижение этого видения для сообществ, которые испытывают первыми самые худшие эффекты климатических изменений, является очевидным приоритетом. Большинство

планов городского развития в отношении климата либо совсем не упоминают проблему справедливости или относятся к ней формально. Однако активистские группы США, Канады и Европы оказывают давление на городское управление, требуя внести в повестку вопросы климатической справедливости как приоритетные.

> Демократическое планирование

В центре этих усилий находится проблематика планирования. В мире (особенно в США) слишком много городов, где планирование в основном продвигают интересы частных девелоперов и коммерческих игроков. Однако достижение демократических результатов в этом вопросе возможно лишь при условии более демократического планирования.

Такие города, как Остин, Мадрид, Сиэтл, Окленд, Портленд, Провиденс и Вена недавно обновили комплексные планы развития, включив проблематику климата с тем, чтобы обеспечить продуманные процессы участия жителей сообществ, чья повседневная жизнь затронута экологической проблематикой. Лучшие примеры обеспечивают участие групп жителей в формулировке целей развития вместе с городскими чиновниками.

>>

Эти планы способствуют построению социальной, экологической и экономической устойчивости соседских сообществ. Одна из первых задач плана развития города Провиденса в отношении климатической справедливости заключается в создании двух зеленых зон справедливости, предназначенных для апробирования пилотных проектов – Олнейвиля и Южного Провиденса. На этих территориях планируется строительство основных объектов инфраструктуры, которые позволят сохранить снабжение электроэнергией в условиях срыва работы сетей, станут центрами развития обновляемой энергии, подготовки работников, отработки реформы зонирования, способствующей предотвращению загрязняющего землепользования.

> Зеленая справедливость

Зоны зеленой справедливости ориентированы одновременно на цели борьбы против изменений климата и социальной справедливости. Идея заключается в том, чтобы вовлечь членов сообщества в продвижение этой повестки. Виды деятельности могут включать проекты обновляемой энергии, переоборудования среды, создания открытых пространств, рабочих мест, открытие школ нулевой чистой энергии, создание нового или обновление старого парка, зеленые крыши, новые улицы. Все эти проекты направлены на противодействие эффекту потепления участка городского пространства и управлению ливневыми потоками.

В Окленде (Калифорния) в июле 2020 года был принят План действий в отношении климата, рассчитанный на период до 2030 года, в фокусе которого улучшение условий жизни в самых бедных кварталах города. В разделе Плана, посвященном оценке эффективности мер, направленных на преодоление расовой несправедливости, представлены стратегии распознавания городских сообществ, находящихся в самом худшем состоянии, инструкции по работе жителями, местными организациями и мониторингу результатов внедрения новых практик.

До принятия этого Плана Западный Окленд уже был выявлен как городское сообщество, в котором накопились социальные проблемы. По городу проходят три автострады, здесь расположен порт, станция водоочистки и пиковая установка на реактивном топливе. Все это способствует высокому уровню загрязнения среды, высоким показателям заболеваемости астмой, инсультами, сердечнососудистыми патологиями и сравнительно низкой продолжительности жизни. Приоритетом в развитии этой территории стало существенное снижение углеродных выбросов в жилых зданиях и переход от газовых плит/обогревателей воды и воздуха на электрические приборы.

Изменение типа топлива улучшает качество воздуха в помещениях. Такое решение может, при полном охвате населения, снизить выбросы парниковых газов на 18%. Повышение энергоэффективности зданий приведет к сокращению этих выбросов на 12%. С помощью предлагаемых мер можно достичь снижения энергетической нагрузки, которая характеризуется документально подтвержденным социальным разрывом: семьи с низкими

доходами расходуют большую долю домашнего бюджета на оплату счетов за газ и электричество.

> Гражданская наука

Эффективность городской политики в Западном Окленде объясняется во многом партнерскими отношениями между городскими властями и инициативными группами граждан, которые борются за очищение воздуха и завоевали доверие населения. Проект экологических индикаторов для Западного Окленда, запущенный в 2002 году, направлен на улучшение качества воздуха в этом районе. Одна из основательниц этого проекта г-жа Маргарет Гордон вспоминает, что первым результатом ее борьбы за чистый воздух был запрет на проезд через жилые кварталы тяжелого транспорта на дизельном топливе.

С самого начала Проект экологических показателей взаимодействовал с Фондом защиты экологической среды, компанией Google и Университетом Беркли в использовании возможностей гражданской науки для отслеживания степени чистоты воздуха в конкретных локальностях городского пространства. Участники Проекта понимают, что государственный мониторинг состояния воздуха в точках, где ожидается обнаружить эффекты потепления, не является адекватным. В рамках одного проекта жители сами подсчитывали число грузовиков, проезжавших на улице за единицу времени. В другом случае жители пансионатов для людей старшего возраста с помощью мониторов качества воздуха фиксировали в дневниках показатели в разное время дня, открывая и закрывая окна в помещении. В еще одном проекте жители, обученные компанией Intel, скачивали данные мониторов воздуха, которые они постоянно носили в рюкзаках, перемещаясь по городу. Таким образом были выявлены конкретные источники загрязнения воздушной среды, и участники проекта могли обращаться к властям с документированными свидетельствами, требуя продвижения политики по борьбе с загрязнением среды.

Стал ли чище воздух в Западном Окленде после всех этих усилий? Г-жа Маргарет Гордон говорит, что раньше подоконники в ее доме были совершенно черными, а теперь они стали темно серыми. Совершенно очевидно необходимо усилить борьбу с загрязнением воздуха, и это должно стать приоритетом нового Плана действий в отношении климатических изменений.

Однако принятие такого Плана совсем недостаточно. Описанный нами тонкий мониторинг стал возможным благодаря законодательной и финансовой поддержке штата Калифорния. Закон штата Калифорния (ЗШ 617), принятый в 2017 году, выделил бюджетные средства на финансирование мониторинга качества воздуха на разных уровнях. Пандемия нанесла серьезный удар по бюджету штата и городов; большая часть превосходных планов не будет реализована. Таким образом, мы должны ждать, когда следующая государственная администрация начнет финансировать какую-либо версию новой зеленой политики. ■

Адрес для связи: Джоан Фицджеральд <jo.fitzgerald@neu.edu>

> Благотворительность как статус и стигма: локдаун в Индии

Махмудул Хасан Ласкар, Университет наук и технологий, Мегалайя, Индия

Раздача еды в городе Барпета (штат Ассам), Индия, апрель 2020. Фото: Саянтан Рой Чаудхури.

Чтобы предотвратить распространение пандемии, правительство Индии объявило национальный локдаун. Обозреватели и исследователи обратили внимание на жестокие реалии иерархической сегрегации населения и неравного воздействия локдауна на богатых и бедных. Потеря работы и заработка в результате локдауна сделали более видимыми бедность и крайние формы проявления неравенства. Поражает недостойное обращение богатых и представителей высших средних классов с бедными людьми. С начала локдауна в социальных медиа появилось много фотографий, на которых богатые люди демонстрируют свою помощь бедным. Зачем они это делают и каковы последствия эти публичных действий для реального перераспределения?

> Неадекватная реакция

Богатые и обеспеченные представители средних классов занимаются в настоящее время раздачей материальной помощи, в основном продуктов, которые могут

прокормить бедноту в течение двух-трех дней. Но почему представители элиты не понимают, что обеспечение продуктами на пару дней не является решением проблемы бедности? Крупные собственники могут смягчить остроту проблемы, используя фонды корпоративной социальной ответственности (КСО). Однако на самом деле воротилы крупного бизнеса инвестируют в фонды, чтобы получить больше прибыли. Правительство в одиночку не в состоянии снизить долю бедных, если капиталисты не протянут руку помощи и не обеспечат бедных хорошими рабочими местами, а не просто будут использовать их как средства промышленного производства.

На фотографиях в социальных медиа изображены богатые люди на фоне больших зданий или бунгало, раздающие небольшие пакеты с провизией беднякам, стоящим в очереди во дворе. Такие сцены напоминают о феодальных паттернах социальной иерархии. В пакете находится, как правило, растительное масло (литровая или полулитровая упаковка), рис (2–3 кг), печенье (2–3 пачки), суп (1–2 пакета), лук (1–2 кг) и картофель (1–2 кг). Можно

>>

порассуждать о том, насколько этого содержимого достаточно для выживания в течение двухмесячного локдауна. Как обстоит дело со здоровьем и образованием детей из бедных семей? В то время как богатые обладают техническими средствами для дистанционного обучения, вопрос о доступе к онлайн-образованию для детей из бедных семей, у которых нет таких электронных средств, даже не приходит им в голову.

> Благотворительность как самопродвижение

Локдаун предоставил возможность целеустремленным социальным работникам продемонстрировать свое псевдолидерство и набрать политические очки. Поддержка бедных стала статусным символом, который намеренно раскручивается социальными медиа. Такие социальные дарители управляют своим имиджем в целях роста прибыли. Образы, представленные в фейсбуке, представляют людей, раздающих пакеты с едой на обочинах тротуаров или на рыночных площадях. Демонстрация голода не является предметом гордости, его скорее стыдятся; при этом раздача еды представляется как церемония награждения. Эти акции прославляются в социальных медиа, как решение проблемы бедности: как будто бедные люди могут всю жизнь прожить на этих пособиях. На одном из постов трое мужчин, один из которых фотограф, раздают маски уличным торговцам овощами в городе Гувахати (провинция Ассам). Сцена была явно постановочной и была снята очень искусно. Обедневшие трудовые мигранты вдруг стали предметом заботы определенной категории представителей городских средних классов. До локдауна эти так называемые социальные активисты проявляли мало интереса к жизни бедных трудовых мигрантов, поскольку они были озабочены другими трендами, продвигаемыми социальными медиа.

> Стыд и оскорбленное чувство собственного достоинства

Эти эгоистичные представители богатых средних классов раздувают свой образ благотворителей, ущемляя чувство собственного достоинства бедных. Бедняков просто раздражает благочестие, которое демонстрируют богачи своими «социальными услугами». Изображения получателей помощи в социальных медиа представляют их крайне уязвимыми. Такие образы уязвляют самолюбие и заставляют их тревожиться за себя и жизнь своих детей. Их бедность становится стигмой, потому что медиапрезентации делают их объектом насмешек. Зажиточные люди, проживающие по соседству, вручают им пакеты, а бедняки принимают их с чувством беспомощности и стыда. И вот теперь эти бедные люди будут жить под давлением псев-

до сочувствия, которое продемонстрировали им богатые соседи. Возможно, дети из бедных семей сталкиваются с психологическими сложностями в школе, вызванными этими перформансами социальной заботы, которые делают очевидными для всех экономическое неблагополучие их родителей. Говорить о чьей-то бедности совсем не зазорно, но представлять бедных как нищих, получающих подавание, как это происходит во время таких перформансов социальной заботы, унизительно. Именно поэтому люди, живущие в бедности, и представители более низкостатусных слоев общества страдают от ксеноцентризма и от идентификации с культурой и нравами других, а не со своей собственной. Снижению самооценки способствует также упадок сельского хозяйства, которое когда-то было самодостаточным и активным сектором индийской экономики. Индустриализация привела к созданию рынка физического труда, и те, кто был когда-то самодостаточным сельским жителем, пополнили ряды мигрантов из сельской местности, которые составляют сейчас значительный процент городской бедноты.

> Практические решения

Проблема мигрантов стала предметом псевдоинтеллектуализма и социальной активности в социальных медиа. Однако практические решения проблемы предполагают совсем не то, что озвучивается в онлайн-дебатах. Чтобы решить эти проблемы необходимо вернуться к самодостаточному сельскому хозяйству, защите окружающей среды, источников жизни и природных ресурсов, а также содействовать развитию местных мелких производств и фермерского хозяйства. Такие меры могут стать реальными решениями проблем миграции в Индии. Однако, к сожалению, многочисленные семинары и вебинары (распространившиеся в последнее время), симпозиумы и посты в социальных медиа лишь создают поверхностный дебат, который фактически не имеет отношения к решению вопроса.

Пособия и распределение провизии превратились в конкурсы фотографий в социальных медиа, которые наносят ущерб чувству собственного достоинства людей, живущих в бедности. Эти меры не являются долгосрочными решениями проблемы бедности. Если зажиточные слои населения в самом деле намереваются помочь бедным, они должны сделать это, используя инструменты перераспределительной социальной политики, а не путем демонстрации социальной поддержки бедным как статусного символа или предмета личной гордости. ■

Адрес для связи: Махмудул Хасан Ласкар <rhasanlaskaramu@gmail.com>

> Нехватка заботы? Миграция заботы и политическая демография

Аттила Мелег, Будапештский университет имени Матяша Корвина, Венгрия

В 2010-х годах человечество столкнулось с особенной глобальной социальной ситуацией. Начиная с 1980-х годов, наблюдалось уникальное соотношение старения, продолжающейся маркетизации без роста перераспределения, и смерти крестьянства. Эти факторы и их историческая динамика привели к нехватке заботы и драматическому росту миграционного домашнего труда, который стал самостоятельным производственным процессом. Эти тенденции поставили мигрантов, занятых в сфере заботы и ухода, в очень сложное положение, особенно в обстоятельствах, когда COVID-19 сделал доступ к услугам здравоохранения еще более значимым во всем мире. Огромные массы населения планеты – не только в бедных странах – находятся в зависимости от различных систем заботы и ухода, которые все в большей степени обеспечиваются трудом мигрантов. В то же время трудовые мигранты находятся под перекрестным огнем растущего спроса на свою работу, растущей волатильности своей занятости, растущей враждебности в отношении мигрантов и растущей секьюритизации, также обусловленной пандемией. Мы достигли момента, когда уход за больными и пожилыми становится все более конкурентной и чрезвычайно прекарной сферой занятости.

> Рост миграции домашних работников и специалистов по уходу

Систематической глобальной статистики о миграции домашних работников и специалистов по уходу не хватает. По данным Международной организации труда (МОТ) на 2015 год, численность домашних работников составляет около 67,1 млн. человек, из которых 11,5 млн – мигранты и три четверти – женщины. Это период значительного роста миграции заботы. По оценкам ВОЗ на 2013 год нехватка работников в сфере здравоохранения составляет 17,4 млн. человек и ожидается драматический рост спроса в этой области, который может удовлетворить лишь возрастающая миграция. В относительно богатых странах ОЭСР (исключая США) с 2007 по 2016 г., по крайней мере, на 80% возросло число медицинских сестер, получивших подготовку за рубежом, и на 45% возросло число докторов с иностранными дипломами. К 2016 году число врачей, получивших подготовку за рубежом, составило почти полмиллиона человек, а число медсестер, обученных за пределами стран, где они работают, превысило триста тысяч. Доля врачей иностранного происхождения возросла, по крайней мере, на 10 процентных пунктов, достигая в некоторых странах сорока или пятидесяти процентов всех представителей этой

профессии. (Многие из них не смогли продвинуться по профессиональной лестнице в связи с локальными и национальными локдаунами).

> Старение, рост затрат на здоровье и неменяющееся перераспределение

Быстрое старение населения создает существенную нагрузку на более молодые поколения как в отношении производительности труда, так и в отношении роста реальных потребностей в заботе. Это особенно очевидно в условиях протяженной во времени и пространстве глобальной стагнации государственного перераспределения (см. исследования Йозефа Бёрёча (József Böröcz), 2016, посвященные трудовому вкладу в социальное воспроизводство). Более того, по данным Мирового Банка, доля налоговых поступлений (показателей перераспределения) в Валовом внутреннем продукте (ВВП) также глобально стагнировала и колеблется вокруг среднего показателя в 14%. (см. граф. 1).

График 1

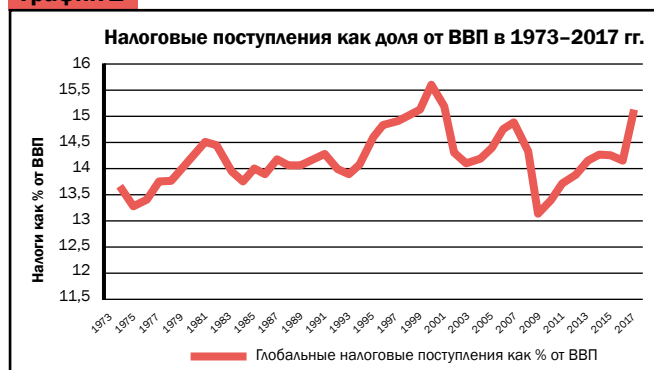
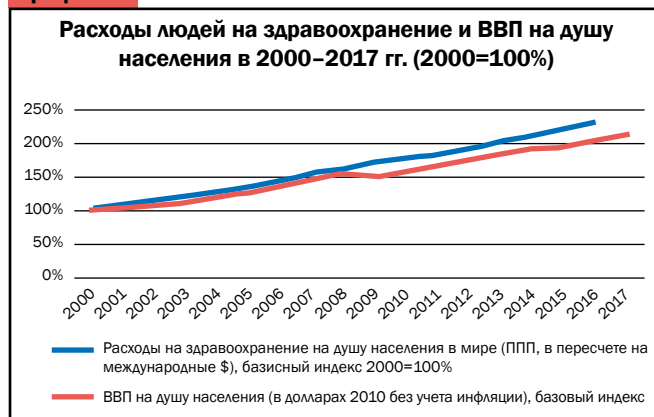

График 2

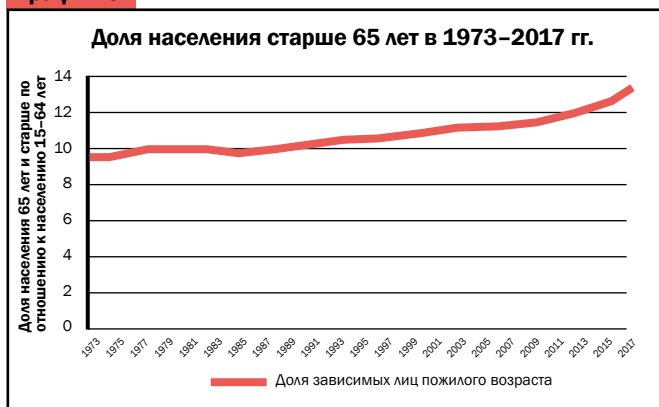

Источник: <http://datatopics.worldbank.org/world-development-indicators/>

В то же время начиная с 2000-х годов или даже ранее расходы на здоровье на душу населения растут с большей скоростью, чем доходы на душу населения (см. граф. 2). В глобальном масштабе доля зависимых пожилых людей за тот же период времени возросла с 9,5% до 13,2% (см. граф. 3). Эти данные касаются стран с молодым населением в сравнении с чрезвычайно старой Европой.

График 3

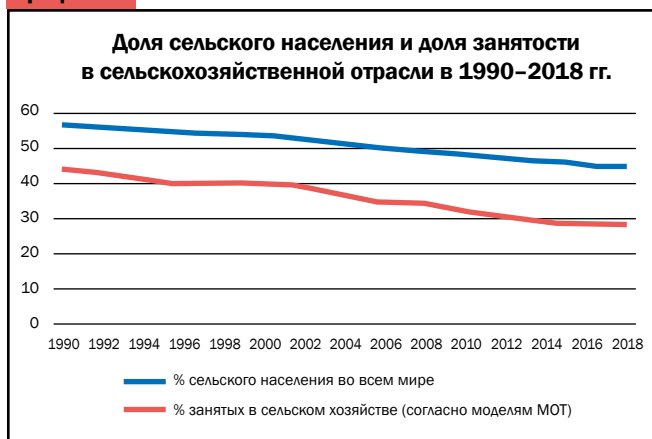

Источник: <http://datatopics.worldbank.org/world-development-indicators/>

До 2010 года население планеты старело с меньшей скоростью, чем рос душевой показатель ВВП. Это означало, что, несмотря на стабильные показатели перераспределения, объем рыночных и государственных ресурсов, обеспечивающих уход за пожилыми, возрастал. Однако, начиная с 2010 года и далее, рост демографической нагрузки пожилыми превышает темпы экономического роста. Это означает, что доходы, необходимые для покрытия душевых расходов на поддержание здоровья, могут поступать из дополнительных частных источников (от большей доли лично приобретенных рыночных услуг), и/или доля бюджетных расходов, связанных с поддержанием здоровья, растет за счет других статей государственного бюджета. Такая реорганизация в свою очередь необходимо приводит к росту конкуренции рынка и социального государства в обеспечении населения медицинскими и социальными услугами, что еще более осложняет положение мигрантов заботы, которые стремятся обеспечить себе социальную защиту.

Эти проблемы могут создать дополнительные сложности для мигрантов. Чтобы встроиться в систему социального страхования принимающей страны, мигранты, вероятно, захотят воспользоваться коммерческими социальными услугами, потратив на них зарплату или средства, полученные из-за границы. При этом страны с налаженной системой соцстрахования, в других отношениях недружелюбные к мигрантам, могут обложить последних дополнительными сборами, чтобы поддержать баланс между старением населения, медицинскими и социальными нуждами, а также бюджетными расходами. Кроме того, в этой социальной среде явно наблюдается конкуренция – между местными группами, местными и мигрантами, а также между группами мигрантов. Это очевидно из интервью с занятыми в сфере заботы восточноевропейцами, возражающими против «дорогостоящей» защиты беженцев. Пандемия COVID-19 только усугубила напряженность, а конца этому экономическому кризису пока не видно.

График 4

Источник: <http://datatopics.worldbank.org/world-development-indicators/>

> Глобальная конкуренция в сфере заботы и государственная защита

«Смерть крестьянства», описанная Хобсбаумом в работе *The Age of Extremes* [Эпоха крайностей], привела лишь к обострению этих противоречий, потому что она повлекла за собой изменение уровня государственного перераспределения и доли старших поколений в структуре населения. Падение занятости в сфере сельского хозяйства в середине двадцатого века продолжается ускоренными темпами и к 2018 году падает по мировым показателям ниже 30%; сельское население по сравнению с городским стало меньшинством впервые в истории человечества. Это означает, что нагрузки заботы, связанные со старением, должны все более канализироваться рыночным и государственным системам перераспределения в отличие от исторически сложившейся семейной системы заботы о пожилых в сельской местности. Это означает, что доля семейных услуг в обеспечении заботы о пожилых сокращается. Даже в бедных странах прямое внутрисемейное обеспечение пожилых пищей и материальными благами сократилось, и возросла потребность в покупке государственных и рыночных социальных и медицинских услуг, включая те, которые предоставляются местными работниками или трудовыми мигрантами, предоставляющими услуги по уходу за пожилыми. Этот сдвиг является наиболее значимым в современных трансформациях человеческой истории и становится решающей характеристикой эпохи глобализации (граф. 4).

Это означает, что маркетизация приведет к дальнейшему росту маркетизации и породит встречный спрос на государственную защиту, а это создаст идеальную почву для авторитарного национализма. Таким образом, мы можем заключить, что противоречия, связанные с нехваткой заботы в условиях современного экономического порядка, могут стать источником трансформации. Таким образом, во время пандемии и после нее усилятся политические демографические дебаты, и в них будут рассматриваться всеобщая социальная защита и радикальное изменение экономической системы в качестве альтернатив противоречивой маркетизации. И основания для этого вполне правомерны. ■

Адрес для связи: Аттила Мелег <attila.meleg@uni-corvinus.hu>

> Может ли COVID-19 привести к концу глобализации?

Ильяна Оливье и Мануэль Грасиа, Королевский институт Элькано и Мадридский университет Комплутенсе, Испания

Современная волна глобализации, начавшаяся в 1970-е годы, включает фазы роста, сокращения и мутации. Эти процессы соответствуют структурным изменениям глобального экономического и геополитического порядка, включая подъем нового могущества азиатских стран и смещение эпицентра глобальной активности от Атлантики к Тихоокеанскому региону.

Великая рецессия конца 2000-х – начала 2010-х гг. привела к ускорению и консолидации этих изменений. Эта тенденция отражена в Эльканском индексе глобального присутствия (*Elcano Global Presence Index*). Современный кризис здравоохранения, политики, экономики и социального регулирования также скажется на международных отношениях и самом процессе глобализации.

Хотя еще рано давать общую оценку этого кризиса, мы уже можем наблюдать такие его последствия, как перебой в производстве и потреблении (а значит, и в торговле). Также можно ожидать ряда эффектов, связанных с драматическим снижением международных потоков населения.

> Мировая деглобализация началась до наступления пандемии

Политики экономической либерализации, которые реализовывались во множестве национальных экономик в последние три десятилетия двадцатого века, привели к быстрому росту международных экономических обменов. Различные волны экономической глобализации сопровождались различными формами интернализации (военной или мягкой силы), при которой границы пересекали большие массы людей (вооруженные формирования, мигранты, туристы, студенты, спортсмены и сотрудники международных проектов развития) и идей (обмен информацией, культурные продукты, наука, технология и образование). Хотя академические исследования всегда признавали внеэкономические аспекты глобализации, анализ процессов интернационализации до сих пор в основном фокусировался на экономическом измерении процесса.

Именно из-за этого экономического фокуса эксперты предсказывали замедление глобализации и начало периода «светского застоя» во время финансового кризиса 2008 года и следующей за ним Великой рецессии. Действительно было зафиксировано замедление и даже инверсия отдельных показателей экономической интернационализации конкретных торговых потоков и потоков прямых иностранных инвестиций в конкретные годы. Но

при этом хочется подчеркнуть, что [Эльканский индекс глобального присутствия](#) показал, что несмотря на существенное замедление и сдвиг в сторону более мягких форм интернализации, глобализация не двинулась вспять.

Показатели добавленной стоимости глобального присутствия, рассчитанные для всех 130 стран по разным переменным и измерениям, отражают объем мировых обменов и могут рассматриваться как прокси для оценки глобализации (см. табл. 1).

Таблица 1. Эльканский индекс глобального присутствия

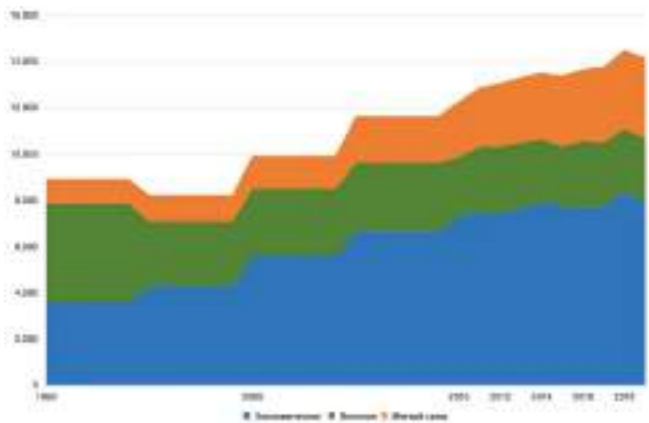

Источник: Эльканский индекс глобального присутствия (Королевский институт Элькано).

Этот индекс позволяет выделить следующие фазы современного процесса глобализации. (А) Период с 1990 по 1995 гг. совпадает с геополитической реконфигурацией Европы, во время которой агрегированный показатель глобального присутствия падал ежегодно в среднем на 1,6%. (В) Второй период устойчивой глобализации относится к интервалу между 1995 и 2011 гг., когда наблюдается кумулятивный рост индекса на 57%. (С) Фаза, следующая за Великой рецессией с умеренными показателями роста и падения индекса, дает средний ежегодный агрегированный рост в 1%. (D) Затем следует резкий рост показателя более, чем на 5% (показатель возвращается к докризисным значениям). (E) В самое последнее время наблюдается снижение значения индекса на 2,6%, что является самым большим годовым падением за последние тридцать лет наблюдений (табл. 2).

>>

Таблица 2. Добавленная стоимость глобального присутствия (для всех 130 стран, 1990–2019, индексные баллы)

Источник: Эльканский индекс глобального присутствия (Королевский институт Элькана).

Показатели глобализации различаются по разным измерениям (экономическому, военному и мягкой силы). В период между 1990 и 2005 гг. основным вектором глобализации был экономический. Что касается мягкой силы, то здесь показатели глобализации росли, но вполне умеренно, а показатели военной глобализации существенно снижались. Однако эти тенденции существенно изменились в 2000х гг., когда мягкая глобализация стала лидирующим трендом. В течение последних двух лет падение агрегированных показателей глобального присутствия объясняется в основном экономическими показателями.

> Воздействие COVID-19 на глобальные обмены

Важно подчеркнуть, что Эльканский Индекс глобального присутствия схватывает структурные тенденции, а переходная финансовая турбулентность и политические изменения редко отражаются в его показателях. Кроме того, показатели Индекса фиксируют изменения в переменных и различных измерениях глобализации с лагом в два года. Так, например, эффект кризиса 2008-9 годов не находит отражения в Индексе вплоть до 2011 года, а эффекты пандемии COVID-19 не будут регистрироваться в показателях вплоть до 2021 или 2022 годов.

Хотя краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные эффекты пандемии уже получают оценки различных авторов и институтов, картина в отношении глобализации все еще остается неполной. Чтобы оценить будущее воздействие кризиса здоровья (и политические ответы на него со стороны стран и на глобальном уровне) нужно рассмотреть несколько сценариев, представляющих эффекты Великой рецессии на показатели добавленной стоимости Эльканского индекса глобального присутствия.

> Сценарий А: нынешний кризис аналогичен кризису 2008 года

Если существующий кризис здоровья и его экономические, политические и социальные последствия по своим масштабам сравним с предшествующим кризисом, можно ожидать, что показатели агрегированного Индекса глобального присутствия по всем параметрам и измерениям будут аналогичны тем, что зафиксированы для 2010-2015 гг.

> Сценарий Б: нынешний кризис глубже, чем кризис 2008 года

Некоторые аналитики утверждают, что экономические, политические и социальные последствия COVID-19 будут более разрушительными, чем те, которые принес за собой кризис 2008 года. При таком сценарии показатели разных измерений Индекса примерно с 2022 года обнаружат резкое падение по всем параметрам, по сравнению с состоянием на 2010-2018 гг.

> Сценарий В: нынешний кризис существенно отличается от кризиса 2008 года

И наконец, если современный кризис обладает выраженной спецификой по сравнению с 2008 годом, можно ожидать, что показатели будут вести себя иначе. Прогнозы и оценки предсказывают, что воздействие по экономическим параметрам будет аналогично Великой Рецессии, а воздействие по мягким параметрам будет сильнее, что объясняется драматическим сокращением кроссграничных популяционных потоков (фиксируемых показателями перемещения военных формирований, образовательной, трудовой миграции и туризма).

При реализации такого прогноза ожидаемое поведение каждой из шестнадцати переменных Индекса (описание которых можно найти [здесь](#)) приведет к третьему сценарию, при котором воздействие нынешнего кризиса отличается от кризиса 2008 года (табл. 3).

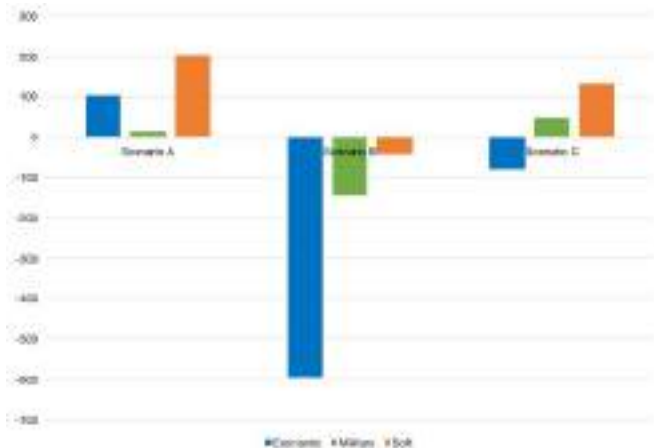
Таблица 3. Три сценария глобализации после COVID-19 (%)

	Сценарий А Как в 2008 Средний спад (2010–2015)	Сценарий Б Серьезнее, чем в 2008 Значительный спад (2010–2018)	Сценарий В Иначе, чем в 2008
Энергия	6.8	-36.2	-11.1
Первичные товары	4.3	-7.5	-1.1
Обработ. пром-сть	2.6	-3.4	-0.7
Услуги	1.7	-0.7	-0.7
Инвестиции	-0.3	-8.9	-0.3
Вооруженные силы	-4.0	-10.2	5.7
Вооружение	3.7	-2.0	-1.0
Миграция	1.4	-1.0	-1.0
Туризм	3.7	2.0	2.0
Спорт	-0.8	-1.7	-1.7
Культура	7.3	-8.9	-1.8
Информация	16.9	-1.4	16.9
Технологии	4.2	1.7	4.2
Наука	5.0	3.4	5.0
Образование	5.2	0.1	0.1
Сотрудничество в целях развития	2.6	-4.8	4.1

Источник: расчеты авторов на основании Эльканского индекса глобального присутствия.

Таблица 4. Агрегированное глобальное присутствие, проекции при сценариях А, Б и В (изменение показателей индекса с учетом данных 2019 г.)

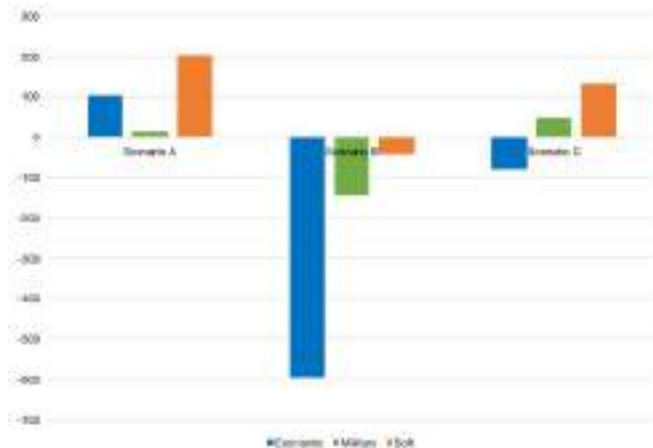

Источник: расчеты авторов на основании Эльканского индекса глобального присутствия.

Лишь одна из описанных выше моделей будущего – сценарий В – свидетельствует о значительной деглобализации, при которой показатель глобального присутствия во всех 130 странах упадет на 1% по сравнению с 2019 годом. Падение отразится на всех показателях, в особенности на экономических (в абсолютных цифрах) и показателях военного присутствия (в относительных категориях).

Однако, если трансформационные эффекты будут аналогичны тем, которые наблюдались в отношении предшествующего кризиса (сценарий А), можно ожидать сохранения прежних темпов глобализации (+1,7% общего глобального присутствия), сопровождаемой кумулятивным ростом показателей мягкого измерения и, в меньшей степени, показателей экономического измерения.

Таблица 5. Агрегированное глобальное присутствие, проекции при сценариях А, Б и В (изменение индекса в процентах с учетом данных 2019 г.)

Источник: расчеты авторов на основании Эльканского индекса глобального присутствия.

И, наконец, сценарий, предвещающий трансформационные эффекты, отличные от тех, которые наблюдались для предшествующего кризиса, предполагает фактический застой в показателях глобализации, при которой агрегированный показатель глобального присутствия увеличится на 0,7%. Такой результат ожидается благодаря более динамичным показателям мягкого измерения, смещенным благодаря легкому проседанию показателей экономического измерения (табл. 4 и 5).

Таким образом, нынешний кризис, как и кризис конца 2000-х годов, несомненно, отразится на международных отношениях. Можно ожидать ускорения тех структурных изменений, которые происходят в процессе глобализации. ■

Адреса для связи:
Ильяна Оливье <iolivie@rielcano.org>
Мануэль Грасиа <mgracia@rielcano.org>

> Встреча COVID-19

Забота в условиях совместного проживания в Центральной Европе

Бригитте Ауленбахер, Университет Иоганна Кеплера, Австрия, член ИК МСА по вопросам экономики и общества (ИК02), бедности, социальной защиты и социальной политики (ИК19), социологии труда (ИК30), женщин, гендера и общество (ИК32); **Петра Эзеддине**, Карлов университет, Чехия; **Дора Габриэль**, Венгерский институт демографических исследований, Венгрия; **Михаэль Ляйбльфингер**, Университет Иоганна Кеплера, Австрия, член ИК19 и ИК30 МСА; **Кинга Миланкович**, Фонд осознанного старения НЕКАТЕ («Геката»), Венгрия; **Вероника Прилер**, Университет Иоганна Кеплера, Австрия, член ИК19 и ИК32 МСА

Маски, рекламируемые для пассажиров, позволяют идентифицировать трудовых мигрантов, пересекающих венгерско-австрийскую границу.

Одной из основ режима заботы о гражданах старшего поколения в Центральной Европе является помощь наемных работников с проживанием. Наемные помощники, в основном женщины-мигрантки, живут и работают в домохозяйствах получателей заботы. Их ответственность простирается на большое количество практик – от ведения домашнего хозяйства до медицинских манипуляций. Регулирование надомного труда заботы различается в разных странах; при этом во всех случаях сохраняется прекарность условий занятости. Надомная забота в Центральной Европе основана на ресурсах возвратной миграции; при этом брокеры часто рекрутируют домашних работников из более бедных стран. Такие работ-

ники вынуждены соглашаться на любую работу за границей. Одной из предпосылок такой модели заботы является свободное перемещение работников в пространстве ЕС и за его пределами, что становится все более затруднительным (и попросту невозможным) во время пандемии в связи с закрытием границ. В этой статье анализируется ситуация на рынке домашнего труда с проживанием в Австрии, Чехии и Венгрии. Сначала кратко представим соответствующие модели заботы, а затем покажем, как рынок надомной заботы изменился под воздействием COVID-19.

> Забота с проживанием в Австрии, Чехии и Венгрии

В Австрии надомная забота с проживанием легализована как вид профессиональной занятости. Типовая модель выглядит следующим образом. Два домашних работника (сиделки) сменяют друг друга в одном домашнем хозяйстве через каждые две-четыре недели. Домашние помощники считаются самозанятыми: это статус создает гибкие условия для получателей помощи; при этом самим помощникам не гарантируется минимальная оплата труда, оплачиваемый отпуск или оплата больничного листа. В отличие от Австрии, Чехия и Венгрия являются не только принимающими странами, но и отсылают домашних работников в другие страны. Чешские и венгерские домашние работники обычно трудоустраиваются в немецкоговорящих странах – Австрии и Германии. Для Чехии, где массовый мигрантский наемный труд в частных домохозяйствах является относительно новым феноменом, основным поставщиком заботы является Украина. Сектор домашнего труда в Чехии еще относительно невелик и получение разрешения на работу мигранта, приехавшего из страны, не принадлежащей к ЕС, зависит от устойчивости трудового контракта с нанимателем. В Венгрии рынок домашнего труда в основном пополняется этническими венграми из Украины и Румынии, которые предпочитают эту страну другим западноевропейским странам из-за лингвистической и культурной близости. Большинство мигрантов – домашних работников заняты неформально, хотя существуют некоторые возможности формальной занятости.

>>

> Вызовы COVID-19

Распространение пандемии привело к закрытию государственных границ между странами Центральной Европы и за ее пределами. Это привело к приостановке возвратной трансграничной миграции. В Австрии во время пандемии положение домашних работников с проживанием вновь стало привлекать внимание СМИ; различные акторы стремятся вернуть прежнее положение дел и не думают о возможных альтернативах. Правительства Германии, Австрии и Чехии успешно договорились об организации эмигрантских «коридоров заботы». Венгерским трудовым мигрантам, занимающимся уходом и заботой, по-прежнему разрешен въезд в Австрию. Домашние работники стали перед выбором: вернуться на родину или остаться работать в принимающей стране. И конечно экономический аргумент в принятии решения играет ключевую роль. В Австрии выросла длительность смены для домашних работников, что было стимулировано поддержкой федерального правительства предоставившего трудовым мигрантам разовую безналоговую поддержку в 500 евро. За период между концом марта и маем 2020 года в Австрию из Болгарии, Хорватии и Румынии тремя чартерными авиарейсами были доставлены домашние работники - трудовые мигранты. Еще шесть поездов прибыли из Румынии. Хотя первоначально все работники по уходу проходили неоплачиваемый двухнедельный карантин в гостинице, позже такие возможности предоставлялись только тем, у кого тестирование показало наличие вируса и тем, кто ехал с ними в одном купе. Когда в середине июня границы Центральной Европы вновь открылись, оказались востребованы обычные пути возвратной миграции.

В результате строгого миграционного режима, введенного в первые месяцы пандемии, трудовые мигранты, возвращающиеся в Чешскую республику, должны были находиться на самоизоляции течение четырнадцати дней после пересечения границы. Более того, они должны были продемонстрировать ковид-отрицательные результаты тестирования и проходить новое тестирование через каждые 14 дней, и эти манипуляции мигранты оплачивали сами. Доминирующие медиадискурсы описывали чешских возвратных мигрантов как существенную угрозу общественному здоровью. Как сообщали онлайн некоторые трудовые мигранты, их семьи столкнулись с социальной стигмой как потенциальные носители вируса в своих местных сообществах. Особенно в начале пандемии украинские трудовые мигранты часто делились чувством страха, признавались, что не чувствуют себя в безопасности, и выражали обеспокоенность тем, что, в конце концов, они снова окажутся безработными, но «запертыми» в Чехии, и не смогут вернуться домой. Только 4 мая МВД выпустило Распоряжение, которое в связи с чрезвычайной ситуацией аннулировало правило предоставления нового разрешения на проживание в течение 60 дней после расторжения трудового контракта. Вопреки распространению информации в медиа о положении чешских трансграничных мигрантов, ситуация, с которой столкнулись работники домашней сферы, оставалась замалчиваемой даже в рамках общих дискурсов о социальной востребованности работников инфраструктуры в период кризиса и насущной потребности обеспечить их адекватными защитными средствами.

В Венгрии, где, в отличие от Австрии и Чешской республики, вопрос о трудовых мигрантах не освещался в медиа, реакция правительства на пандемию оказала дополнительное давление на сферу заботы о пожилых: тысячи пациентов были выписаны из больниц и отправлены на долечивание в домашних условиях для того, чтобы освободить койки для больных COVID-пациентов. Это создало потребность в допол-

нительной надомной помощи. При этом в тоже время помощники по уходу из Румынии и Украины вернулись в свои страны или не смогли вернуться на работу в Венгрию. Рынок помощников по уходу был еще более ослаблен тем, что многие граждане лишились рабочих мест, и, соответственно, их готовность оплачивать услуги по уходу снизилась. Хотя многие венгерские помощники по уходу хотели остаться в Австрии на более длительный срок, потому что австрийское государство обеспечивало их социальными бонусами, значительная часть трудовых мигрантов не имела возможности или желания вернуться к работе, поскольку этому препятствовали их семейные обязательства. В социальных медиа венгерские домашние помощники, работающие в Австрии, выражали недовольство по поводу принимаемых мер по транспортировке румынских мигрантов. Многие утверждали, что привилегии, предоставляемой одной группе мигрантов, в дальнейшем могут создать риски для их собственной занятости.

> Заключение

Во время пандемии условия труда в принимающих и отправляющих странах существенно изменились в худшую сторону. Сталкиваясь с еще более тяжелыми условиями занятости на родине, трудовые мигранты стремятся остаться за границей, несмотря на потенциальную угрозу здоровью, а также другие риски и ограничения, обусловленные COVID-19. Трансграничная трудовая миграция домашних работников часто рассматривается как игра с нулевой суммой, при которой пожилые люди получают заботу, а мигранты – рабочее место, которое лучше оплачивается, чем у них дома. На самом деле Центрально-европейский рынок домашнего труда создает модель структурного неравенства национального масштаба, производит трансграничную эксплуатацию рабочей силы и социальное исключение, которые, очевидно, идут вразрез с мифом об эгалитарной интегрированной Европе. Несмотря на то, что во время пандемии уязвимость домашних работников с проживанием вновь стала обсуждаться в медиа, потребности и нужды наемных сиделок и получателей услуг обсуждались явно недостаточно или весьма однобоко. Люди, нуждающиеся в уходе, и их родственники во время пандемии столкнулись с нехваткой общественной поддержки и ростом тревожности, что связано, в том числе, и с закрытием границ. Несмотря на то, что были предприняты меры по обеспечению возможностей надомного ухода, условия труда и проживания домашних работников, которые были прекарными еще до пандемии, по-прежнему остаются без внимания. Социальное дистанцирование – в том числе между получателями заботы и их родственниками – увеличивает трудовую нагрузку на оплачиваемых домашних работников, а также приводит к еще большей их изоляции. Трансграничные путешествия порождают риски заражения и предписывают прохождение (неоплачиваемого) карантина. Оплачиваемые помощники застревают в отсылающих странах (у себя на родине) и сталкиваются с экономической депривацией. И, несмотря на публичные разговоры об их системной востребованности, надомные работники-мигранты описываются в дискурсах как угроза общественному здоровью и национальному рынку труда. Социальные финансовые нагрузки пандемии в конечном итоге падают на плечи возвратной миграции. ■

Адреса для связи:

Бригитте Ауленбахер <brigitte.aulenbacher@jku.at>

Петра Эзеддине <petra.ezzeddine@fhs.cuni.cz>

Дора Габриэль <gabriel@demografia.hu>

Михаэль Ляйбльфингер <michael.leiblfinger@jku.at>

Кинга Миланкович <kinga@hekatefoundation.org>

Вероника Прилер <veronika.prieler@jku.at>

> Публичная социология в Южной Азии во время локдауна

Дев Натх Патхак, Южноазиатский университет, Индия

Иллюстрация Арбу.

Локдаун в южноазиатском регионе, призванный поставить под контроль распространение коронавируса, снова заставил нас обратиться к осмыслению человеческих эмоций, страданий и социально-политического кризиса в регионе. Краткий отчет о разворачивании драмы поможет понять суть происходящего. Старая геополитическая государственная риторика находит свое выражение в современном разворачивании многолетнего спора между Непалом и Индией о Калапани, горном массиве Гималаев. Конфликт развернулся в середине кризиса, вызванного отчаянными попытками трудовых мигрантов вернуться домой во время локдауна. Эти обстоятельства усугублялись провальной встречей ЮААРС (Южноазиатской ассоциации регионального сотрудничества), посвященной COVID-локдауну, которая показала, что Южная Азия представляет собой всего лишь игровое поле стран региона. Деятельность Ассоциации сводится к окказиональным встречам представителей государств-членов, во время которых происходят всего лишь ток-шоу, посвященные проблемам расширения, общим стратегическим интересам и билатеральным связям безопасности и защиты. Эти площадки не создают пространства для выражения коллективных эмоций народов, для социо-культурной ди-

намики, для разворачивания связей и потоков. Редко кому-нибудь приходит в голову, что Южная Азия представляет собой некое целое, которое нельзя назвать изученным, и предполагает кроссграничные сочувствия, эмпатию и сотрудничество на основании эмоциональной общности, характерной для региона. Господствующее дегуманизированное представление о Южной Азии оставляет без внимания человеческие чувства: гнев и тревожность, пронизывающие жизнь региона. Таким образом, публичная социология страдания, тревожности и эмоций в Южной Азии фактически не существует, поскольку подавляется господством «хладнокровной» «COVID-дипломатии». Это приводит к тому, что проект эмоционально честной социологии Южной Азии, в центре которой находятся люди и их борьба, остается неразвернутым и незавершенным.

> Кризис трудовых мигрантов

«Не было счастья, так несчастье помогло». Возможно, COVID-19 во всем мире сорвал умную маскировку многих, в том числе представителей образованных средних классов, класса интеллектуалов, которые утверждали прежде, что хорошо понимают трудовых мигрантов. Трудо-

>>

вые мигранты в регионе снова стали загадкой: они ведут двойное социальное существование по принципу «одна нога в городе, другая - в деревне». Все, кто претендовал на понимание скопления масс мигрантов в формальной и неформальной экономике, сейчас застигнуты врасплох новыми вопросами. Подборки экспертных мнений в газетах и на порталах интернет-пространства демонстрируют лишь жонглирование жаргоном социальной политики; они напичканы соображениями о различиях между городом и деревней в различных частях региона. В такой ситуации становится очевидной сильная течь в обшивке государственной машины. Мы являемся свидетелями почти полного исчезновения машинерии управления во время пандемии во всем регионе. Вместо этого в регионе разворачивались поразительные шоу, такие как стук посуды, ламповое освещение, рейды вертолетов ВВС, которые распыляли лепестки на работников здравоохранения Индии. Из-за такой деструктивной вредной политики в Южной Азии пандемия еще больше становилась источником панических настроений населения. Несмотря на некоторые исключения из общего правила, общими являются неудачи государств Южной Азии, связанные с тем, что они имели неверное представление о поведении людей в условиях пандемии.

Именно в этом контексте возник общий для региона кризис, связанный с возвратной трудовой миграцией. Кризис обнажил отсутствие эмпатии со стороны управляющей элиты. Значительная часть дискуссии в регионе в контексте COVID-19 разворачивалась вокруг тонкостей миграционных процессов. Все сразу вспомнили старую истину: трудовые мигранты составляют становой хребет многих сегментов экономики региона. Каждое домохозяйство среднего класса в городах Южной Азии получает помощь трудовых мигрантов. Но, к несчастью, эти работники до сих пор воспринимаются только как винтики механизма, а не как люди, наделенные эмоциями, руководствующиеся в своих действиях императивами и чувствами. Такая слепота к эмоциональному миру мигрантов является общей чертой управления в разных странах региона. Правительство Бангладеш недостаточно позаботилось о последствиях пандемии для текстильной отрасли, которая обеспечивает работой множество людей. Именно поэтому многие работники перемещались челночным образом между столицей и родными поселениями в надежде найти работу. Бангладеш также не разработал планов возвращения работников из таких стран как Индия и Непал. В Индии также оказались мигрантами без родины те работники, которые прежде вносили свой вклад в экономику денежных переводов. Можно сказать, что они вернулись в неблагодарную страну. Вернувшие-

ся из Индии домой в Непал трудовые мигранты проделали огромный путь, и на этом пути они не получили никакой поддержки. В Индии предпринимались кое-какие меры, которые носили классовый характер: самолетное сообщение помогло вернуть мигрантов из других стран, но не было создано возможностей для возвращения в места проживания внутренних мигрантов. Хотя данных в открытом доступе явно недостаточно, ситуацию для трудовых мигрантов в Пакистане также трудно назвать благоприятной. Трудовые мигранты неформального и формального секторов экономики рассматривались властями лишь как телесно осязаемая, доступная для найма рабочая сила. Мигрантская политика не рассматривает их как людей, наделенных чувствами, верованиями, со своей культурой, фольклором и навыками повседневности. Все это позволяет переосмыслить Южную Азию как социальную категорию – это общество, населенное рабочей силой.

> Перспективы эмоционально правдивой социологии Южной Азии

Необходимо остротиться от господствующей логики государства и геополитики в Южной Азии чтобы выявить основания нюансированной и эмоционально правдивой социологии Южной Азии. В рамках такой социологии можно разработать новые утопии (проекты будущего) для народов Южной Азии, в которых сочетание эмоций и разума будут способствовать лучшему пониманию социальной реальности. Такая социология должна быть сенситивной в отношении эмоционально подвижной аудитории, воспринимающей социологическое знание. В рамках относительно подвижной рамки разделяемых чувств мы могли бы приблизиться друг к другу, осознать наше базовое равенство, а также возможности эмпатии и сопереживания. К сожалению, индийская социальная политика под лозунгом «соседство прежде всего» (*neighborhood first*) является скорее дипломатической уловкой, нежели программой социально-культурного единения. Такая политика поддерживает представление о превосходстве Индии перед соседями, в силу которого она должна заботиться о них. Такой комплекс превосходства лопается перед лицом пандемии и последующим упадком государства, перед растущим обнищанием населения и утратой надежды. Было бы гораздо лучше, если бы страны региона, отбросив политические уловки, объединились, невзирая на границы, для решения стоящих перед ними проблем. ■

Адрес для связи: Дев Натх Патхак <dev@soc.sau.ac.in>

> Публичная социология перед лицом пандемии

Мишель Григоло и Крейг Ланди, Университет Ноттингем Трент, Великобритания

Мы живем в трудные времена, которые во многих отношениях бросают вызов публичной социологии. Распространение COVID-19 выявило различные формы социального неравенства. Проявилась значимость частных интересов по сравнению с общественными; также очевидной стала и логика прибыли, которая пронизывает различные сферы социальной жизни, включая образование. Эта логика утверждает себя в период, когда как пандемия, так и нам сообщают, берется под контроль. Здесь мы обратимся к опыту публичной социологии в Университете Ноттингем Трент (NTU) на примере магистерской программы, ядром которой является публичная социология. Мы хотим развить коллективную рефлексию о публичной социологии во время пандемии и призываем коллег к сотрудничеству и обмену идеями в этом направлении.

Прежде всего объясним, как мы понимаем публичную социологию. В своем известном президентском обращении к АСА 2005 года Майкл Буравой определяет публичную социологию как диалог между социологами и их публичными аудиториями, направленный на производство общей повестки. Мы соглашаемся с таким толкованием. Однако, с нашей точки зрения, наши магистранты не просто наша первичная публика (*first publics*) – они сами являются публичными социологами. Они не являются просто реципиентами педагогических усилий, но изначально совместно создают знание и являются активными участниками общественной жизни. В своем университете мы толкуем публичную социологию как рекурсивные отношения между педагогикой, исследованием и практикой. Как созвездия Зодиака каждый из элементов этой системы опирается на другой, приобретая значение, поддержку и обогащая свое содержание. Хотя и не все виды деятельности, возможные в рамках публичной социологии, вовлекают три угла этого треугольника, многие усиливают связь между ними.

Такой подход лег в основу организации нашей магистерской программы по социологии. Различные модули раскрывают разные аспекты публичной социологии, теорию, методологию и практические подходы. Модуль, посвященный обучению работе в сфере услуг (*service learning*), предполагает сотрудничество студентов и пре-

подавателей с местными некоммерческими организациями, в результате которого создается проект воплощения в жизнь конкретных задач и замыслов организации. Все эти формы призваны реализовывать модель «совместного обучения» и противопоставляются модели «пассивного обучения». Такое активизирующее обучение способствует пониманию того, с помощью каких механизмов процессы могут изменяться и как их можно изменять в процессе изучения. На основе такого сотрудничества студенты могут писать отчеты для своей партнерской организации или писать статьи для академических изданий. Таким образом, мы предлагаем им альтернативы конвенциональной магистерской диссертации, которые способствуют включению студентов в публичную социологию уже на уровне магистерской подготовки.

Хотя члены нашей команды придерживаются общих взглядов о социальной справедливости и «рекурсивному» подходу к публичной социологии, все же мы во многом различаемся по нашим приоритетам в области публичной социологии. Живая реальность публичной социологии в нашем университете становится все более разнообразной и насыщенной с течением времени, благодаря сотрудничеству и интеллектуальному росту каждого из нас и нашего коллектива в целом. Для нас публичная социология является именно критическим направлением производства социального знания, поскольку мы стремимся развить у студентов способность к критической рефлексии и практике.

Мы следуем принципам критической публичной социологии не только в рамках магистерской программы, но и в других направлениях деятельности. В 2017 году мы организовали одноименный симпозиум, посвященный критической публичной социологии в нашем университете (поддержанный Британской социологической ассоциацией). В 2019 году опубликовали методические материалы в *Journal of Higher Education Outreach and Engagement* ("Evaluating the Complexity of Service-Learning Practices: Lessons From and For Complex Systems Theory" [Оценка сложности практик обучения в сфере услуг: Уроки теории сложных систем], авторы: Бертон, Хачинс, Ланди и Лионс-Льюис). Некоторые участники нашей команды участвовали в партисипаторном акционистском исследо-

“ Не думаем, что все вернется в нормальное русло, потому что сама нормальность является частью проблемы ”

вании работы волонтерских организаций; в настоящее время мы изучаем повестку прав человека в Ноттингеме. В рамках этих проектов во имя общего блага активно взаимодействуют преподаватели, студенты, и члены местных сообществ.

Пандемия заставила нас вновь обратиться к пересмотру роли критической публичной социологии. Мы ставим перед собой следующие вопросы. Как пандемия усиливает существующие неравенства? Какие меры контроля пандемии являются необходимыми и оправданными? Как продолжить свою работу в нынешних обстоятельствах? Как повлияет COVID-19 на содержание нашей работы и ее приоритеты? По нашему мнению, все ответы на эти вопросы подразумевают обращение к педагогическому опыту, исследованиям и практике. Во время написания этой статьи (май 2020), правительство Великобритании начало ослаблять локдаун. Мы начали обсуждать со своими партнерами возможные последствия пандемии для них самих и для уязвимых сообществ Ноттингема. Мы смотрим в будущее и стараемся представить себе, как публичная социология может ответить пандемии, как она может защитить наиболее уязвимых людей и способствовать благополучию сообщества. В то время как сектор высшего образования сталкивается с массовым сокращением финансирования, пре-

вышающим масштабы ожидаемого, мы задаем вопрос, какие возможности для сопротивления господствующей логике прибыли существуют в этот период глубокой неопределенности и нестабильности в системе образования Великобритании? Как эти возможности могут переопределить значение образования в нашем обществе?

В результате мы хотим выйти из пандемии с усиленным чувством причастности к жизни большого общества. На фоне страхов и изоляции, порожденных локдауном, мы стремимся поставить в центр внимания общество и социальное как основу человеческих отношений. Мы не думаем, что в результате все вернется в нормальное «обычное» русло, потому что сама нормальность является частью проблемы. Скорее, речь идет о том, что мы движемся вперед к лучшей позиции. Социология и публичная социология должны помочь в этом процессе с помощью развития критической рефлексии. Мы хотим узнать у других исследователей и студентов о том, что они думают о новых перспективах публичной социологии. Пишите нам, если хотите принять участие в диалоге. ■

Адреса для связи:
Мишель Григоло <michele.grigolo@ntu.ac.uk>
Крейг Ланди <craig.lundy@ntu.ac.uk>

> Социальное дистанцирование: релевантность социологического понятия

Сайед Фарид Алатав, Национальный университет Сингапура

Сохранение (физической) дистанции во время пандемии COVID-19. Фото: Mick Baker/flickr.com. Некоторые права защищены.

Сейчас появился новый повод познакомить читателя с социологией. Я обращусь к теме социального дистанцирования, чтобы показать, что этот термин употребляют в настоящее время совершенно неверно. Однако, чтобы прояснить свой аргумент мы должны обратиться к тому, что представляет собой социология.

> Что такое социология?

Начнем наши рассуждения, обратившись к работам основателя дисциплины Абдуррахмана Ибн Хальдуна (1332–1406), одного из выдающихся мусульманских ученых домодерности. Он стал основателем совершенно новой области научного знания, которую он назвал наукой о человеческом обществе (*'ilm al-ijtima' al-insani*). Сегодня эта наука называется социологией – наукой об обществе. Карл Маннгейм, великий немецкий социолог, родившийся в Венгрии (1893–1947), отмечал, что слово «общество» обозначает различные формы совместного проживания людей. Среди этих форм – социальный контракт, социальная дистанция, изоляция, индивидуализация, кооперация, конкуренция, разделение труда, социальная интеграция и другие. Благодаря этим формам, люди сосуществуют, живут и взаимодействуют в различных видах ассоциаций и групп, которые формируют сообщества и общества. Необходимо понимать природу общественного устройства и групповой жизни, если мы хотим понять социальное поведение и события социальной жизни. Ибн Хальдун помогает нам выполнить эти задачи.

Чтобы продемонстрировать необходимость изучения природы общества и различия между фактами и историческим вымыслом, Ибн Хальдун приводит пример описания в исторических трудах смерти марокканского правителя

Идриса бин Идриса Идрисидской династии (803–828 н.э.). Согласно непроверенным слухам, Идрис был рожден от внебрачной связи своей матери с Рашидом, подданным Идрисидов. На самом деле отец Идриса был женат на женщине из племени Берберов и жил среди берберов в пустыне. Социологический аргумент Ибн Хальдуна заключается в следующем: организация жизни в пустыне была такова, что внебрачные связи неизбежно становились известны всем членам сообщества. Если бы у нас было бы какое-либо представление о жизни в пустыне, об образе жизни пустынных кочевников, о том, как они взаимодействовали, об их социальных условиях, мы бы пришли к выводу, что представляется маловероятным, чтобы Идрис родился от незаконных отношений.

Предмет социологии, таким образом, – это понимание природы социальности и выявление роли социальных факторов в развитии сообществ, обществ и цивилизаций. Объясняя человеческие взаимодействия, сотрудничество и социальные связи, социологические идеи часто выходят за пределы академии. Социологические идеи подхватываются и развиваются политиками и оказывают влияние на политические программы во многих странах мира.

> Раджаратнам и Рональд Рейган цитируют Ибн Хальдуна

Покойный министр иностранных дел (1965–1980 г.) и вице-премьер (1980–1985 г.) Сингапура С. Раджаратнам (1915–2006) обратился к идеям Ибн Хальдуна, рассуждая о будущем Сингапура в XXI веке.

В своей речи, произнесенной в декабре 1979 г.¹, он рассуждал о том, как общество может приобрести и привести в

>>>

действие *virtu*, то есть те добродетели, о которых писал Макиавелли: гордость, храбрость, мастерство, неподкупность, силу, которые позволяют человеку управлять ситуацией. *Virtu* необходимо обществу, чтобы справиться с экономическими, социальными, культурными, политическими и технологическими силами, которые приближают будущее, разрушительное для человечества. Взгляды Раджаратнама сформировались в период Исламской революции, и это заставило его задуматься о подъеме и упадке исламской цивилизации. По совету своего друга-социолога, Сайеда Хуссейна Алатаса, он прочел трехтомный труд Ибн Хальдуна, посвященный истории арабов, берберов и других народов *Al-Muqaddimah*.

Раджаратнам обратил внимание на ключевое понятие концепции Ибн Хальдуна *'asabiyya*. Этим словом обозначается чувство групповой солидарности, прежде всего, в племенах, деревнях и первопоселениях, чувство, которое делало кочевое общество более эластичным, жизнестойким, храбрым и самодостаточным по сравнению с людьми, живущими в городах. Именно связующие узы *'asabiyya* позволяли кочевникам завоевывать города и создавать новые династии. Раджаратнам предположил, что *'asabiyya* у Ибн Хальдуна – это то же самое, что *virtu* Макиавелли.

Через два года после памятной речи Раджаратнама президент США Рональд Рейган процитировал хорошо известное высказывание Ибн Хальдуна: «Следует знать, что в начале правления династии налогообложение приносит большой доход от небольших взносов. В конце династического периода налоги приносят небольшой доход от крупных взносов. Причина этого в следующем: когда династия следует религиозным правилам (*sunan*), налогообложение опирается на религиозный закон; именно таковыми являются налог на благотворительность, земельный и подоходный налоги».

Президент Рейган цитировал Ибн Хальдуна как раннего представителя экономической теории предложения, на основании которой базировались многие социальные программы его администрации. Согласно этой теории, сокращение налогов стимулирует экономический рост и приводит к увеличению объема налоговых поступлений в бюджет государства. Цитируя Ибн Хальдуна, Рейган сказал: «Мы стремимся перейти к экономике маленьких взносов и больших налоговых поступлений»².

Ибн Хальдун считал, что упадок *'asabiyya* в сочетании с погоней за роскошью, характерной для правящего класса, приведет к росту ставок налогообложения. Проблема возникает через несколько поколений, когда правящая элита приобщается к более сложному и роскошному стилю жизни, который требует повышения налогов в соответствии с доходами. Рост налогообложения, в конце концов, достигает уровня, когда сокращается или полностью замирает производственная активность, что, в свою очередь, влечет за собой сокращение налоговых поступлений, вызывая, прежде всего, спад производственного и фискального циклов исторического существования династии и, в конечном счете, к ее упадку. Эта же проблема заботила Раджаратнама. Он верил, что Сингапур в XXI веке должен управляться так, чтобы «с наименьшими потерями преодолеть *fortuna*, т.е. превратности судьбы и капризную игру мировых сил». Для реализации этой государственной задачи необходимы качества, которые Макиавелли называл *virtu*, а Ибн Хальдун – *'asabiyya*.

> Дюркгейм и исследование самоубийства

В отличие от психологии, которая изучает душу или индивидуальное сознание, социология изучает коллективное сознание, понимаемое как социальный факт. К сфере коллективного сознания относятся моральные, религиозные и когнитивные убеждения и чувства, присущие обычному человеку и скрепляющие общество, делая его целостной системой. Предметом психологического объяснения являются отдельные индивиды. Социологические объяснения стремятся выявить причины, релевантные для целой группы и основанные на групповых характеристиках. Эмиль Дюркгейм (1858–1917), один из основателей современной социологической науки, на примере изучения самоубийства показал, чем социология отличается от психологии.

Дюркгейм изучал самоубийство не только как важный социальный феномен, но и для того, чтобы продемонстрировать научному сообществу, что социология может объяснить феномены, которые ранее казались исключительно психологическими и объяснялись индивидуальными качествами личности.

Дюркгейм хотел объяснить различия в уровне самоубийств разных социальных групп. Полагая, что влияние биологических и психологических факторов остается одинаковым во всех группах, он объяснил вариации уровня самоубийств скорее социологическими, нежели биологическими или психологическими факторами. Он проверил свою теорию эмпирически путем исключения влияния ряда факторов. Так например, он исключил из анализа фактор расы, потому что статистика продемонстрировала различные уровни самоубийства среди людей, принадлежащих к одной расовой категории.

Дюркгейм объяснил различия в уровне суицидов двумя конкретными социальными фактами – степенью интеграции и степенью регулирования общества или группы. Эти различия объясняют существование четырех типов самоубийства: эгоистического, альтруистического, аномического и фаталистического.

Рассмотрим подробнее два типа самоубийств. Самоубийство относится к эгоистическому типу, если совершивший его индивид плохо интегрирован в группу, если коллективное сознание сообщества является слабым, люди лишь преследуют свои личные интересы и делают все, что им заблагорассудится. Такой неограниченный эгоизм может привести к личному неудовлетворению. Дело в том, что далеко не все потребности могут быть удовлетворены; кроме того, удовлетворение одних потребностей ведет к появлению других, а затем к разочарованию и для некоторых людей – к суициду. Напротив, принадлежность индивида к сильно интегрированной группе – семье или религиозному сообществу, – обеспечивает сильное коллективное сознание и отрицательно коррелирует с суицидом.

Альтруистическое самоубийство характерно для обществ, в которых социальная интеграция является слишком сильной. Одним из известных примеров является случай коллективного самоубийства в коммуне почитателей преподобного Джима Джонса и Джонстауне (Гвиана) в 1978 году. По внушению преподобного его последователи добровольно выпили яд и отравили своих детей. Они покончили с собой потому, что принадлежали к сильно интегрированному сообществу адептов и были убеждены, что должны были совершить это деяние.

>>

Итак, предмет социологии – социальное: человеческая интеграция, кооперация, ассоциация. Социология стремится выяснить, как социальные факторы влияют на людей. Зададимся вопросом: какое это имеет отношение к социальному дистанцированию?

> О каком социальном дистанцировании идет речь?

Во время пандемии мы постоянно слышим о «социальном дистанцировании». Согласно ВОЗ практика дистанцирования предполагает «сохранение минимальной дистанции в один метр (3 фута) между вами и другими людьми». Многие называют эту практику социальным дистанцированием, хотя речь идет о сохранении физического расстояния между людьми во внесемейном пространстве, ограничении скопления, образования толпы, массовых собраний.

Таким образом, социальная дистанция на самом деле оборачивается физической дистанцией. Действительно, многие определения социальной дистанции включают параметры физической дистанции. Однако при имеющемся словоупотреблении создается ложное впечатление, что физическая и социальная дистанция это тождественные понятия.

Социальная дистанция – это очень важное социологическое понятие. В сфере общественного здоровья это довольно новый термин, но в социологии он активно используется еще с довоенного времени (до Второй Мировой войны). Это совсем не то же самое, что пространственная или физическая дистанция, хотя в отдельных случаях физическая и социальная дистанция могут совпадать.

Социальная дистанция – это понятие, обозначающее недостаток социальных контактов, независимо от физической дистанции или близости. Социальные контакты могут быть первичными; для таковых характерны частые и близкие связи, которые могут включать или не включать общение лицом к лицу, использование визуальных или аудио-посредников при взаимодействии с членами семьи, коллегами и друзьями – людьми, принадлежащими к нашей первичной группе. Социальные контакты могут быть также вторичными, т.е. включать менее частые и менее близкие связи с людьми, которые не принадлежат к нашей первичной группе. В любом случае, разговор о социаль-

ном контакте – это обсуждение социальной близости и социальных отношений между индивидами независимо от степени физической близости.

Два человека могут находиться на значительной физической дистанции друг от друга, но в социальном смысле оставаться близкими, т.е. находиться в социальном контакте. Супружеская пара, разделенная национальными границами из-за ограничений в передвижении, вызванных коронавирусом, общаются с помощью социальных медиа и НЕ находятся на социальной дистанции. Они поддерживают близкий социальный контакт, несмотря на физическую дистанцию.

С другой стороны, можно находиться на физически близком состоянии, но не поддерживать социальный контакт. В этом случае физическая близость сочетается с социальной дистанцией. Например, два человека пересекают улицу по переходу. Они остаются незнакомцами, хотя и находятся в физической близости. Их действия и поведение не ориентированы друг на друга, между ними нет социального контакта. Еще один пример – покупки в продовольственном магазине. В этом случае мы наблюдаем физическую близость, а социальный контакт ограничен короткой денежной транзакцией.

Во время пандемии мы должны поддерживать физическое дистанцирование, а не социальное. Именно физическое дистанцирование необходимо для ограничения распространения коронавируса. Из-за необходимости физического дистанцирования и ограничения возможностей близкой физической социализации мы должны развивать другие формы социального контакта, противодействующие социальному дистанцированию.

Пора проговаривать точно и ясно, что мы имеем в виду. Необходимо думать о физическом дистанцировании и социальном контакте и о том, как обеспечить социальную близость при сохранении физической разделенности. ■

Адрес для связи: Сайед Фарид Алатас <alatas@nus.edu.sg>

1. "Raja takes a look at the past and the future," *The Straits Times*, December 21, 1979.
2. Robert D. McFadden, "Reagan cites Islamic scholar," *The New York Times*, October 2, 1981.

> Пионер современной индийской социологии

Мир Сухил Расул, Кашмирский университет, Индия

Йогендра Сингх в 2018 году.

Йогендра Сингх (1932–2020) был одним из выдающихся социологов постколониальной Индии. Он завоевал свою репутацию в интеллектуальном и академическом мире, разрабатывая в рамках индийской социологии понятия социальной стратификации, социальных изменений/преемственности, социологии индийского общества, модернизации и культурных изменений. Он писал на многие темы и обсуждал различные теоретические подходы, переходя от одного предмета изучения к другому, и в каждом случае его анализ был глубоким и интересным.

Профессор Сингх возглавил изучение соотношения современности и традиции в индийском обществе. Значительная часть его трудов посвящена современности,

традиции и социальной стратификации. Для анализа [индийского общества](#) он опирался на интегративный подход. Его выдающийся труд 1973 года [Modernization of Indian Tradition](#) [Модернизация индийской традиции] открыл новые горизонты индийской социологии. Он стал автором десяти монографий и книг, среди которых [The Image of Man](#) [Образ человека] (1983), [Ideology and Theory in Indian Sociology](#) (2004), [Идеология и теория индийской социологии] (2004). Он был редактором серии [Social Sciences: Communication, Anthropology, and Sociology](#) [Социальные науки: коммуникация, антропология, социология] (2010), в которой рассматриваются процессы сигнификации и коммуникации на пересечении информационной теории и социологии.

Профессор Сингх придерживался твердых убеждений, поощряя критическую дискуссию и открытый диалог как метод социологического дискурса. Даже в течение современной пандемии он фокусировал внимание на новое прочтение социологической парадигмы, чтобы деконструировать кризисный сценарий постиндустриального общества. Сингх был убежденным реалистом и считал, что все теории имеют эмпирические основания. Именно поэтому его часто называли «социальным ученым», тем самым преодолевая узкие дисциплинарные границы. В одной из своих статей, опубликованных в [Sociological Bulletin](#), он подчеркивал значимость социологии знания, призывая к объективности и реализму. Он стремился разорвать жёсткую связь с «референтной моделью» и составил точный выверенный [каталог предстоящих вызовов для социологического знания](#). Он подчеркивал значимость полевых исследований, которые позволяют записывать и документировать объективные экзистенциальные и исторические характеристики социального пространства. Он был убежден в неизбежности демократизации знания и науки. Он создал интегративную модель изучения структурных и культурных аспектов в социологии индийского общества. Он считал, что изучение конкретного пространственного контекста предполагает разработку соответствующего ему теоретического подхода. В одном из интервью он описал консонанс подъема правого национализма и [роста многомерной тревожности среднего класса](#), высказав предположение, что прогресс в сфере образования может стать антидотом «акцентуированной угрозы» этой формы гипернационалистической политики.

Йогендра Сингх отмечал, что индийская социология тематически развивалась вокруг исследования сельских поселений. В период с 1950-е по 1980-е гг. он стремился решить проблемы индигенизации социологических понятий. В этот период мейнстримная социология все еще опиралась на американский функционализм, однако при этом наблюдался подъем интереса к диалектико-материалистическому пониманию общества. Обе традиции сыграли существенную роль в формировании индийской социологии. Сингх был убежден в том, что индийская социология обладает внутренним потенциалом для дальнейшей адаптации и изменений, а также для оспаривания и переработки универсальных дискурсов глобальной социологии и существенной идигенизации теорий в соответствии с контекстом Индии, ее культурной спецификой и целями социально-экономического развития. Его взгляды показывают нам, как индийская социология вырабатывала свой собственный дискурс, а не просто импортировала концепты западной социологии.

Профессор Сингх был членом нескольких престижных организаций и институций. Он был главным архитектором и одним из основателей Центра исследований социальных систем в Школе социальных наук Университета Джавахарлала Неру (УДН). Поскольку он был скромным и интеллектуально честным человеком, он никогда не проявлял высокомерия, даже когда занимал позиции в высших эшелонах академической иерархии. Его интересовала академическая репутация, а не властная должностная позиция. Эти установки нашли выражение в текстах, которые он написал в течение своей научной карьеры. Он не только разработал и преподавал ряд курсов

по социологии в различных индийских университетах. Он также демонстрировал своим ученикам и коллегам ценность рациональных и радикальных подходов к пониманию общества. В старшие годы он органично продолжал исследования и педагогическую деятельность, сохраняя ясность ума и глубину анализа.

Способ рассуждений и труды профессора Сингха оказали долгосрочное влияние на современную индийскую социологию и индийское общество. Его подход был внятным, он не допускал неясности в рассуждениях. Он верил в возможность исследования реальных социальных фактов, которые определяют индивидуальные действия и аттитюды; он мечтал увидеть построение нового индийского общества в течение собственной жизни. Многие его работы, посвященные ключевым характеристикам индийского общества, не утратили своего значения до сих пор.

С его смертью Индия потеряла социолога, который смотрел в будущее и способствовал переориентации и модернизации индийской социологии; его вклад в развитие индийской социологии невозможно переоценить. Его наследие сохранится в сердцах и сознании исследователей, посвящающих свою профессиональную жизнь глубинному аналитическому изучению различных тем, значимых для общества. Мы всегда будем помнить этого выдающегося социолога, учителя, философа, замечательного интеллектуала! ■

Адрес для связи: Мир Сухил Расул <mirsuhailscholar@gmail.com>

> О потребности (ре)интеграции радикальных взглядов

С. А. Хамед Хоссейни, Университет Ньюкасла, Австралия

Для развития трансформативного сопротивления необходима интеграция активизма и трансформативной науки. Автор иллюстрации: Хамед Хоссейни.

Пандемия COVID-19 показала, что коренные трансформации являются не только единственно возможным, но и неизбежным способом предотвращения более мощных социальных взрывов. Условия медленного роста или его замедления, когда коллективное качество жизни становится приоритетным по сравнению с гедонистическим благополучием, проясняют для нас невозможность возврата к тому, что прежде считалось нормальным. Пришло время подвергнуть карантину наш разум, ограждая его от фатального когнитивного вируса капиталистического мифа о том, что «альтернативы

этому социально-политическому устройству не существует». Несмотря на болезненные последствия, локдауны создали моменты рефлексии о том, кто мы такие, как мы оказались в нынешней ситуации, и что можно сделать, чтобы объединить наше креативное воображение и политические действия для построения постпандемического мира.

> Где мы находимся?

Кратко мой тезис звучит так: при отсутствии всесторонней коренной многоуровневой социальной трансформации человечество придет к полному коллапсу цивилизации. Этот коллапс, скорее всего, будет подобен спирали каскадирующих катастрофических событий, включающих региональные климатические бедствия, экономическую рецессию, глобальные пандемии, кризисы питания, воды и энергии, приводящие к массовым переселениям и беспокойствам, глобальные конфликты и гражданские войны, более жесткие климатические катастрофы и ускорение происходящего упадка биоразнообразия.

> Как мы здесь оказались?

Начнем с того, что специфическая форма «цивилизации», порожденная комбинацией европейского колониализма и современного капитализма, в последние десятилетия достигла своего апогея. Эта мировая цивилизационная система базируется на следующих основаниях: (1) *капитал*, замещающий труд как источник стоимости; (2) *карбон* – углерод, ископаемое топливо или в более общих терминах добывающее производство (*extractivism*); (3) *компульсивный экономический рост*, обеспечиваемый безжалостной коммодификацией социально-экологических отношений и массовой апроприацией общего достояния, осуществляемый в течение нескольких столетий и поддерживаемый постоянным продвижением консьюмеристской культуры в мировом масштабе; (4) *колониальность*, т.е. продолжающееся стратифицирующее воздействие властных отношений и эпистем, необходимых для поддержания незыблемых интерсекциональных иерархий; и наконец, (5) *коррупционная политика*, приводимая в действие ростом капитала финансовых монополий, усилением роли стремящегося к выгоде корпоративного государства в надзоре, датафикации, развитии био- и нейротехнологий и милитаризации. Назовем перечисленные выше основания пятью существенными характеристиками нынешнего общественного устройства или кратко – пятью «К» (5К).

Система чревата кризисами, поскольку 5К требует бесконечной экспансии использования истощаемых ресурсов и возможностей планеты. Поскольку мы уже приступили к

>>

разрушению биологического потенциала земли и в перспективе не просматривается технологических решений этой проблемы, базовые основания современной цивилизации активно содействуют ее упадку.

> Декарбонизации недостаточно

Преодоление одной из зависимостей современного мироустройства без изменения остальных базовых параметров обречено на провал. Современные прогрессивные учреждения пропагандируют декарбонизацию как одно из решений в сложившейся ситуации. Однако новые технологии, которые способствуют развитию возобновляемых источников энергии, сталкиваются с серьезными социально-политическими и экономическими препятствиями. Темпы их развития являются крайне низкими и не смогут спасти планету. Еще важнее, что некоторые сегменты правящего класса рассматривают новые технологии как потенциальные средства расширения гегемонии капитала.

Так называемая постуглеродная политика лишь увеличивает системную зависимость от остальных базовых оснований, а не преодолевает их. Чтобы трансформация произошла одновременно по нескольким параметрам, должны существенно измениться социально-экономические и биополитические структуры, лежащие в основании технологических революций. Таким образом, необходима не только (1) декарбонизация, но и (2) декапитализация, (3) деинтенсификация роста, (4) деколонизация и (5) глубокая демократизация социальных институтов. Только глобальная борьба за эти 5Д сможет спасти организованную жизнь. Именно поэтому декарбонизация не может решить проблему упадка цивилизации, а будет функционировать как отвлечение от борьбы за остальные Д, которые имеют не меньшее значение для будущего человечества.

> Что могут сделать ученые, придерживающиеся активной гражданской позиции?

Наиболее заметной формой редукционистского подхода к глобальным кризисам является недавнее воскрешение политической технократии. Чем больше неудач она терпит, тем более авторитарным становится правление. Университеты как пространства создания инноваций и передового знания утрачивают свою автономию и переходят в подчинение своим партнерам по бизнесу и промышленным корпорациям, которые в настоящее время, в период сокращения финансирования, часто являются основными источниками поддержки. Гуманитарные и социальные науки (ГСН) переживают кризис идентичности. Необходимо создавать дискурс, оппонировавший редукционизму, в рамках которого ГСН сможет реставрировать свою утраченную историческую цель. Необходимо заново изобрести «науку, способствующую коренному преобразованию общества», которая фокусирует внимание на освободительных практиках, возможных прогрессивных альтернативах (примером являются случаи, представленные авторами *The Routledge Handbook of Transformative Global Studies* [Рутледж, Справочное пособие трансформативных глобальных исследований]).

В последнее время в ответ на неэффективные технологические решения возникает взрыв инициативной творческой активности на уровне сообществ и низовых проектов, нацеленной на продвижение наиболее значимых системных трансформаций самых разных социальных форм.

Историческая необходимость глубокого цивилизационного сдвига осознается участниками растущего числа движений, направленных на цели 5Д.

Двадцатые годы третьего тысячелетия могут считаться наиболее значимой декадой самого критического века человеческой истории, когда «требование невозможного» становится единственной «реалистической» опцией проявления революционных сил. Современные условия, для которых характерна интенсификация экономического и экобиологического кризисов, с наибольшей вероятностью найдут отображение в беспрецедентном росте социального недовольства. В эту эпоху мы достигли положения, когда проблема несоответствия теории и практики не может быть решена без осмысления инсайтов радикальных сил, действующих в обществе.

Однако эти силы являются распыленными неструктурированными и быстро развивающимися, что затрудняет их понимание. В последнее время благодаря локдаунам и слодаунам, порожденным пандемией, возникли беспрецедентные возможности для того, чтобы социальные силы, ориентированные на коренные преобразования, вышли на поверхность, установив онлайн-сообщение с широкой публикой. Несмотря на освободительный потенциал пространства продвижения 5Д, к сожалению, это все еще маргинальная тема в блоке гуманитарных и социальных наук.

> Потребность совместного создания общих знаний

Главный вопрос, с которым мы сталкиваемся, взаимодействуя с движениями 5Д, заключается в «совместном создании» инклюзивного и динамичного знания о ландшафте альтернатив; знания, которое, в свою очередь, способствует усилению позиций общественных движений и трансформационных практик, и помогает переопределить нашу академическую работу как трансформативную. Нет никаких оснований полагать, что интенсификация кризисов автоматически приведет к коллапсу непродуктивных расколов в глобальном сообществе левых сил. Ожидания, что рыночные случайные взаимодействия между бесчисленными формами 5Д каким-то магическим образом приведут к созданию новой парадигмы, которая покончит с капитализмом прежде, чем капитализм покончит с жизнью на планете, иронично напоминают неоклассический миф о невидимой руке и сказку о просачивании образцов лучшей жизни от элитных слоев в толщу жизни общества.

В современном контексте, где предпочтения Капитала подрывают интересы, права и потребности сообществ, необходимо, чтобы прогрессивные социально-политические попытки построения устойчивого самодостаточного справедливого демократического будущего, оказывали сопротивление и подвергали критике капиталистические анклавные знания. Мы стремимся не подчиняться технократической ментальности, которая все больше захватывает ГСН; мы считаем, что последние методологические прорывы в социальной информатике могут быть сознательно использованы для поддержки либерализующих низовых практик. Мощности больших данных заряжены для создания «общих знаний», разделяемых с участниками низовых движений, которые способствуют поддержке инклюзивного перехода к цивилизации, которая наступит после периода доминирования принципов 5К. ■

Адрес для связи: Хамед Хоссейни <hamed.hosseini@newcastle.edu.au>

> За пределами «кояанискатси»: другой образ цивилизации

Барри Гиллс, Хельсинкский университет, Финляндия

Основные структуры власти и социальной организации, на которых базируется наша цивилизация, в ближайшем будущем должны быть глубоко переосмыслены и коренным образом изменены.

Современная ситуация приводит общество к осознанию того, что современная форма мирового порядка и цивилизации довели человечество и «природу» до глубокого кризиса и необходимы радикальные действия для трансформации его оснований. Это осознание проявляется в растущем числе текстов, которые отражают такой взгляд на происходящее. Комбинация, составляющая «тройной кризис», или кризис трех «К» – климата, капитализма и COVID-19, – стала контекстом, в котором мы анализируем причины происходящего.

> Жизнь во времена кояанискатси

У североамериканской народности хопи есть миф о кояанискатси, крайне релевантный в нынешней ситуации. Слово «кояанискатси» часто переводят как «жизнь в условиях нестабильности», «форма жизни, которая не должна существовать» или «безумная жизнь». Согласно этому мифу, люди несут ответственность за все живые существа в мире. Их задачей является постоянное сохранение устойчивого баланса между всеми формами жизни. Чтобы достичь этой цели мы, люди, должны вести образ жизни, который обеспечивает гармонию с другими формами жизни. Однако в период кояанискатси люди

«теряют голову» и бессмысленно со страшной скоростью устремляются к пропасти разрушения, приближаемой их собственными действиями. Подобная культура игнорирует фундаментальное единство и взаимосвязанности различных форм жизни. Она забывает о святости всего живущего. Она забывает об истинной цели существования и глубинной взаимозависимости человека и других форм живого. Действия «бездумны» и разрушительны. Только глубочайшее духовное пробуждение и культурное и материальное обновление может изменить направленность такой культуры, спасти ее и мириады других форм жизни от того разрушения, которое неизбежно несет с собой кояанискатси.

Мы живем во времена кояанискатси. Мы находимся под заклятием таких всеобщих понятий, как «прогресс», «современность» и «глобализация». Они обещают нам лучшее будущее. Они обещают нам материальное процветание, наступление эры здоровья, безопасности и свободы. Истина, однако, заключается в том, что они маскируют исторические процессы, которые привели к нынешнему глобальному кризису.

В современном научном мире стали легитимными и даже популярными исследования «конца цивилизаций» и

>>

«экзистенциальных угроз и вызовов». Это свидетельствует о нашем понимании текущей ситуации: мы переживаем период «великого внутреннего взрыва», «кризиса мировой системы», «общего кризиса» господствующей формы нашей цивилизации. Этот «общий кризис» или «великий упадок» объясняется множеством причин, которые также угрожают «коллапсом» цивилизации. Изменение климата является, несомненно, центральным, хотя и не единственным, каузальным вектором этого великого кризиса. Во многих отношениях само изменение климата является следствием более фундаментальных глубинных долгосрочных исторических процессов. Исторические процессы, породившие мощный кризис, включают сверхконцентрацию богатства (олигархизацию); сверх-эксплуатацию труда и «природы» (т.е. извлечение сверхприбыли от эксплуатации наемного труда и мира природы), что увеличивает системную энтропию; паразитическое и хищническое накопление капитала и прибыли, «недовложение» в социальную инфраструктуру. Торжествует системная логика и одержимость коммодификацией, маркетизацией и «экономическим ростом».

Господствующая экономика как научная дисциплина и практика укрепляет иллюзию, что экономика не имеет биофизических оснований и ограничений. Проблематика окружающей среды или экологическая экономика является лишь одним из второстепенных направлений мейнстримной экономики. При этом считается, что все экологические проблемы, порожденные господствующей экономической системой, можно будет решить в будущем в основном с помощью технологических инноваций и рыночных принципов и механизмов. Этот зашоренный сверхоптимистичный взгляд в течение десятилетий приводил к бесконечному отвлечению основных мировых экономических и политических акторов от решительных шагов, которые смогли бы предотвратить надвигающуюся климатическую и экологическую катастрофу. Этот панглосский взгляд и поклонение «рынку» стали господствующим верованием нашей эпохи. Такие представления являются ключевыми для гегемонных идей «неолиберализма», «глобализации» и даже «развития».

Кризис – это распад. Кризис – это слом системы. Сегодняшний кризис представляет экзистенциальную угрозу человечеству: угрозу «падения» или даже коллапса нашей цивилизации, которая, как многим до сих пор кажется, добилась выдающихся успехов в ходе глобализации.

> Решение проблемы коянискатси

Каково решение? Коянискатси предлагает ответ на наш вопрос. Необходимо «глубинное восстановление» нашей цивилизации, всей нашей духовной и материальной культуры. Понятие «глубинного восстановления» я развиваю в статье, опубликованной в журнале *Globalizations* в 2020 году. Необходимо представить новый образ цивилизации. Государство, капитал и город – фундаментальные формы, которые конституируют господствующие основания власти и социальной организации нашей цивилизации – должны быть коренным образом переосмыслены и преобразованы в будущем. Человечество должно принять свою укорененность в паутине жизни и окончательно признать наличие планетарных границ, динамику системы земли, биофизические основания и ограничения, критические точки и пороговые значения экологических и климатических изменений в объединенной глобальной системе жизни. Будущее должно представлять собой «великое восстановление» жизни на Земле во всем ее необозримом и прекрасном многообразии. Это будущее предполагает также «великое возвращение», то есть отказ от одержимости универсальной коммодификацией, маркетизацией и экономическим ростом, которые до сих пор господствуют в нашей коллективной материальной жизни. «Новое обобществление» в мире, материальное и социальное, станет центром этой великой трансформации цивилизации. Глобальный и национальный мир (а не военные конфликты) станет существенным элементом этого нового образа цивилизации. Темная многовековая эпоха, пронизанная империализмом, колониализмом, неоколониализмом, расизмом и патриархальной властью должна остаться позади.

Историю пишут после свершившихся событий, но основы будущего закладывают сейчас, в настоящем. Новое видение, возникающее в контексте современного глобального системного кризиса, на самом деле, резонирует с очень старым мировоззрением. Идея возвращения к «нормальному» до-ковидному существованию является громадной иллюзией. Это неизбежно катастрофическая идея. Только коренная трансформация фундаментальных форм нашей цивилизации сможет предотвратить будущую катастрофу. Трансформативная практика многих и для многих является единственным реальным источником надежды на наше коллективное выживание. Теперь не может быть оправданий для бездействия, назад дороги нет! ■

Адрес для связи: Барри Гиллс <bkeithgills@gmail.com>

> Раастафари и новое изобретение Вест-Индии

Скотт Тимке, Университет Вест-Индии, Сент-Августин, Тринидад и Тобаго, **Шелин Гомес**, Университет Вест-Индии, Сент-Августин, Тринидад и Тобаго, член ИК МСА по вопросам социологии миграции (ИК31)

Знак, указывающий на присутствие Раастафари в Шашэмэнне, Эфиопия, 2009 г. Фото: Шелин Гомес.

Коронация Раса Тафари Меконена как императора Хайле Селассие Первого в 1930 году стало кинематографичным триумфом, возвещающим о начале новой эры в жизни Эфиопии. На расстоянии 12 500 километров от Эфиопии, на Карибах, бедные чернокожие жители Ямайки, управляемой Британской монархией, следили за трансляцией этого события в новостях. Впервые они видели черного короля.

Архивные записи показывают, что вскоре после этого события жители Ямайки обменивались знаниями, читали газеты и журналы в поисках всевозможной информации об Эфиопии. Мощный символизм Африки был схвачен в пьесе Маркуса Гарвея *The Coronation of the King and Queen of Africa* [Коронация короля и королевы Африки]. Этот взгляд, устремленный в Эфиопию, несомненно был органическим ответом на ужасы расистского капитализма.

> «Контркультура модерна»

С позиции опыта чернокожих история капитализма выглядит особенным образом. Последователи растафарианства воплощают явление, которое Пол Гилрой

назвал «контркультурой модерна». Граждане Тринидада К. Л. Р. Джеймс и Клаудиа Джонс перевернули ортодоксальный анализ современности, чтобы проиллюстрировать центральное место Вест-Индии в развитии европейского капитализма. Раастафари сходным образом является символическим выражением тенденции эмансипационных проектов представлять себя в обличье просторечных понятий. Такая идея является инверсией представления о том, что социальные изменения и развитие наилучшим образом продвигаются институтами или государственными акторами.

Действительно, космология растафарианства – хороший пример того, как подчиненные субъекты, которые предчувствуют возможность нового образа жизни, начинают бороться за него. Укорененные в карибской культуре представления растафарианства, которые длительное время влияли на развитие карибской этнографии и социальной теории, могут способствовать развитию деколониальной социологии XXI века.

> Элементы деколониальной социологии

Чтобы показать, что движение нашей научной дисциплины возможно, обратимся к движению населения. Анализ разнообразных данных, собранных в ходе поле-

>>

вой работы в период с 2008 по 2015 гг., в сочетании с подходами социальных теоретиков Вест-Индии позволяет осмыслить духовную практику растафарианства как продукт деятельности местных органических интеллектуалов, которые стремились социологически объяснить свои социальные условия и повседневную жизнь. Действительно, ядро учения – «космополитика» растафарианства – включает богатое описание социальных миров, что показал Вальтер Родни, который эмпирически с погружением изучал постколониальную Ямайку.

Во второй половине двадцатого века волны организованных сторонников этого религиозного течения мигрировали с Карибских островов в Эфиопию, в поселение Шашэмэнне. Это сообщество, заселившее землю, которую Хайле Селассие I предоставил диаспорическим африканцам, представляет собой яркий политический пример того, как может быть реализовано воображаемое представление о панафриканизме. Для растафарианцев Эфиопия является местом происхождения человечества и священной божественной землей обетованной – подобием Сиона. Поэтому поселение называется репатриацией, что говорит том, что мы имеем дело с повторным изобретением и соответствующей ему программой социальных изменений, но в других терминах.

Притяжение к святым местам заставляет растафарианцев предпринимать паломничество в Шашэмэнне, а также финансово поддерживать местное сообщество. Такая поддержка особенно значима для выживания, улучшения социальных условий и воспроизводства ценностей растафарианства в Эфиопии; она, очевидно, способствует распространению идентичности религиозного сообщества. Обретение чувства собственного достоинства и его связь с религиозными верованиями происходит в условиях пробуждения от ужасов, вызванных длительным опытом подчинения во время колониальной власти. Связь «капитализма и колониализма» описывается не из перспективы лондонской метрополии, а скорее с позиции тех, кто из Кингстона переехал в Шашэмэнне.

> «Космополитика» растафарианства

Растафарианцы не только воспринимают Эфиопию как многовековой оплот христианства, но и почитают эту страну как единственную территорию, которая с формальной точки зрения никогда не находилась под европейским колониальным гнетом. Опираясь на давнюю идеализацию Африки как формы культурного сопротивления, это духовное учение продвигает идею о божественном происхождении императора Хайле Селассие I. Основанием этого верования является знание Библии, присущее жителям Карибов. Несомненно также, что растафарианство является ответвлением западноафриканских религиозных практик, которые пережили этап Среднего Перехода. Такая

осведомленность населения объясняется тем, что религиозные организации в начале XX века открывали школы в разных районах Ямайки. Библейские сюжеты получили всенародную известность именно благодаря этому образовательному проекту.

Именно реинтерпретация религиозных учений, а не только светская организационная работа оформила коллективное сопротивление превосходству белых. Эта интерпретация является ранней органической попыткой деколонизации христианских практик, которые поддерживали колониальное угнетение на Карибах.

В рамках такого подхода растафари предстает как общегуманитарное учение, открытое для тех «кто придерживается веры» и для тех, кто не стал растафарианцем. Такая реакция может быть проявлением возникающего космополитизма глобального Юга, открытого для культурного многообразия. Мы предполагаем, что «открытость» растафарианства основана на историческом осознании особой социальности карибского общества, сформированной на основании трансконтинентальной экономики плантаций, присущих ей иерархий, многокультурной среды и воображения своего места в глобальном мире. Такое видение растафарианства позволяет усмотреть в нем прямой вызов белому превосходству.

Растафарианство нельзя считать первым массовым выражением пан-африканизма: Пол Гилрой, Хилари Беклез, Роберт Хилл и другие авторы описали множество более ранних движений. Однако повседневные практики растафари могут обогатить эмпирическое и концептуальное исследование того, что мы называем «обыденной солидарностью». Именно изучение обыденной солидарности поможет ответить на вопрос о том, как работает социологическое воображение в рамках космополитизма Глобального Юга, основанного на опыте чернокожего населения мира.

«Космополитика» растафарианства как пример повседневной солидарности может помочь социологам выявить механизмы, с помощью которых местные сценарии связываются с глобальными процессами. Отслеживая богатые описания этого религиозного течения, мы сможем заново открыть социологию, основанную на опыте чернокожих, и продвинемся в создании децентрализованной, деколониальной дисциплины, которая сможет осмыслить старые и новые неравенства двадцать первого века. При таком подходе будет востребован освободительный потенциал «обоснованной» социальной теории, вырастающий из опыта Вест-Индии. ■

Адреса для связи:

Скотт Тимке <stimcke@gmail.com>

Шелин Гомес <sshelene.gomes@sta.uwi.edu>

> Социология Шри-Ланки

в глобальном и локальном контекстах

Сири Хеттиге, Университет Коломбо, Шри-Ланка, член ИК МСА по вопросам социологии образования (ИК04), бедности, социальной защиты и социальной политики (ИК19), социологии молодёжи (ИК34)

Цейлонский университетский колледж в 1921 году. Фото распространяется по лицензии Creative Commons.

Как известно, с начала шестнадцатого века многие незападные общества попали под западное колониальное господство. Шри-Ланка, ранее известная как Цейлон, небольшой остров в Индийском океане, находилась под господством трех колониальных держав последовательно, а именно португальцев, голландцев и британцев, с 1505 года до обретения независимости от британцев в 1948 году. В условиях колониализма страна претерпела широкомасштабные преобразования, в особенности в течение 150 лет британского правления. Среди прочего, наиболее актуальным для настоящей дискуссии является изменение образовательного ландшафта от неразвитой школьной системы, в которой преобладали религиозные институты, к

более разнообразной системе общего образования. Тем не менее система современного университетского образования не была введена вплоть до конца колониального управления, что вынуждало местную молодёжь, представителей элиты, ехать за границу для получения высшего образования. Таким образом, у социально мобильных местных жителей не было возможности получить университетское образование в своей стране в различных областях, включая социологию, предмет, который сейчас широко преподаётся во многих университетах.

> Развитие университетского образования

Поскольку университетское образование было преимущественно

постколониальным достижением, преподавание социологии было отложено до открытия местного университета в 1940-х годах. В связи с последовавшим ростом спроса на высшее образование в последующие десятилетия было открыто несколько новых университетов. Тем не менее, преподавание социологии долгое время ограничивалось Университетом Перадении, пока в 1969 году спустя более двадцати лет после обретения Шри-Ланкой независимости в Коломбо был открыт еще один факультет социологии.

Социологический факультет Перадении в начале 1950-х годов возглавил социолог из США, профессор Брюс Райан. Поскольку языком обучения был английский, можно было

>>

привлекать тексты по социологии, доступные на английском языке и широко используемые в западных и других странах. В течение следующих нескольких лет ситуация начала меняться в связи со значительными постколониальными социальными трансформациями. Демократическая система управления, установленная за десять лет до обретения независимости, создала благоприятные условия для антиколониальных движений, которые смогли сформулировать требования деколонизации и возрождения местных социальных и культурных институтов. Последовавшая в 1956 году смена языка обучения с английского на родной привела в движение процессы социальных и культурных изменений, которые имели далеко идущие последствия. Постоянный исход многих членов англизированных общин, в том числе представителей городской элиты, привел к значительной «утечке мозгов» из страны.

Превращение двух ведущих буддийских монастырей в пригороде Коломбо в два национальных университета в середине 1950-х годов привело, среди прочего, к значительному росту университетского образования. В 1950-е годы, благодаря расширению государственного сектора в образовании, обусловленному ведущей ролью государства в развитии страны, в разных регионах открылось еще несколько университетов, что создало больше возможностей для получения высшего образования и восходящей социальной мобильности в постколониальном обществе, характеризующимся высоким уровнем вертикального и горизонтального неравенства. Учитывая преобладающий низкий уровень экономического роста, постоянное расширение университетского образования привело к высокому уровню безработицы среди выпускников.

> Островная социология

Переход с английского на родные языки со временем отрезал студен-

тов, говорящих исключительно на родном языке, от возможности использовать англоязычные тексты. Хотя позже были приняты определенные институциональные меры для публикации переводов ключевых текстов по социологии на родных языках, нехватка ресурсов и другие ограничения препятствовали продолжению этой практики. Таким образом, многие студенты в основном ограничивались чтением конспектов лекций на местных языках. В следующие несколько десятилетий преобладающая часть студентов не имела возможности ознакомиться с оригинальными текстами по социологии, широко используемыми во всем мире. Тем не менее, большинство выпускников социологических факультетов нашли работу на различных должностях в государственных учреждениях независимо от качества своей подготовки. В то время как некоторые ученые продолжали поддерживать контакты с зарубежными университетами через обучение в аспирантуре и программы обмена, многие оставались не включенными в международные академические контакты, такие как участие в академических встречах или публикация статей в рядовых академических журналах. Вышеупомянутые тенденции сохраняются и по сей день. Национальная социологическая ассоциация, созданная в 1980-х годах под руководством Ральфа Пейриса, первого цейлонского профессора социологии первого университета, продолжает функционировать, однако привлекает мало ученых из местных университетов. Более того, очень немногие социологи Шри-Ланки являются членами Международной социологической ассоциации (МСА). Подавляющее большинство социологов остаются не связанными с МСА и национальными социологическими ассоциациями даже в регионе. И все же они продолжают активно преподавать, проводить исследования на локальном уровне и публиковаться в местных журналах, а выпускники местных университетов часто трудоустраиваются в органы власти.

Все сказанное выше подтверждает, что в постколониальной Шри-Ланке политическая экономия антиколониального национализма способствует поддержанию анклавов преподавания и исследований в области социологии в значительной степени независимых от других академических сообществ Глобального Севера или Глобального Юга, несмотря на процесс глобализации частного образования, который позволил многим найти альтернативное образование и возможности карьерного роста за пределами государственной системы образования. Именно эта последняя группа, часто обладающая большими ресурсами, получает частное образование, преодолевающее национальные границы. Тем не менее, многие из них, как правило, обучаются наукам в области STEM (наука, технологии, инженерия, математика), а не гуманитарным предметам, включая социологию.

Развитие социологии Шри-Ланки с очевидностью определяется трансформациями постколониального периода. Такая логика развития хорошо согласуется с академическим дискурсом социологии знания, который развивали классические и более современные социальные теоретики, в частности Карл Маркс (1844 г.), Макс Вебер (1947 г.), Макс Шелер (1960), Вильгельм Дильтей (1958), Карл Мангейм (1936), Норберт Элиас (1956), Роберт Мертон (1957), Питер Бергер и Томас Лукманн (1966) и другие. Процессы производства и распространения знаний постепенно формируются меняющимся социокультурным контекстом в стране. Нынешняя слабая взаимосвязь между международной и шриланкийской социологией является отображением условий, в которых социологи Шри-Ланки делают свою работу, находясь в конкретных социокультурных и институциональных обстоятельствах. ■

Адрес для связи: Сири Хеттиге <hettigesiri@gmail.com>

> Шри-ланкийская социология: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ВРЕМЯ

Субханги М. К. Хэрат, Университет Коломбо, Шри-Ланка

Очевидно, что развитие шри-ланкийской социологии в отличие от социологии Европы или Америки не следует чётко выраженным социологическим традициям. Социология Шри-Ланки представляет собой микс социологии и антропологии со значительным уклоном в сторону последней. Для этого есть две причины. Во-первых, Шри-Ланка была британской колонией, и начало университетскому образованию положили британские преподаватели, следуя модели британской университетской системы, где антропология была ведущей дисциплиной социальных наук. Во-вторых, страна долгое время привлекала внимание миссионеров и путешественников своей уникальной красотой, историей и социальной системой. Для любого ученого, разбирающегося в антропологии, общество и культура Шри-Ланки представляли собой настоящую лабораторию для исследований.

Тем не менее преподавание социологии как предмета на университетском уровне, которое началось еще в 1947 году в Университете Перадени (первый полноценный университет с кампусом в Шри-Ланке), и вклад некоторых ведущих британских и европейских социологов и антропологов в преподавание и исследования в значительной мере способствовали формированию социологии (и/или антропологии) Шри-Ланки. Некоторые известные ученые первого и второго поколения продолжают активно работать и развивают эту область, создавая

значимые социологические труды. Некоторые из них по-прежнему выступают в качестве антропологов мейнстрима. Пересечение границ между социологией и антропологией является уникальной особенностью социологии Шри-Ланки и сегодня.

> Эволюция «социологии Шри-Ланки»

Большинство социологических работ, опубликованных в последние шесть-семь десятилетий, представляют собой локальные исследования, сопряжённые с макросоциологическими теоретическими дебатами, исследованиями на микроуровне, или относятся к «теории среднего уровня», если использовать терминологию Роберта Мертона (1968). Многие социологи первого или второго поколения вполне сознательно выстраивали свою работу, опираясь на существующий корпус международной социологической теории, применяли и проверяли ее подходы, формулировали вопросы на теоретическом уровне, внося значимый вклад в социологию Шри-Ланки. Существенный вклад в теоретическое развитие шриланкийской социологии внесла работа проф. Университета Перадени Эдмунда Лича (1961), посвященная обсуждению тезиса о «господстве экономической надстройки»; исследование Тиссы Фернандо (1972), посвященное анализу восстания молодежи 1971 года в Шри-Ланке в рамках концепции циркуляции элит Вильфредо Парето, а также работа Лаксири Джаясури (2000) о неолиберализме в социальной политике. Если посмотреть на бо-

лее поздние исследования шриланкийских социологов, очевидно, что большое внимание уделяется трансформации социальных структур, институтов и процессов шриланкийского общества, таких как каста и класс, аграрные отношения, политическая система, гендерные отношения, религия и культура, а также миграция и семейные сети. В последние годы наблюдается явное изменение в социологических исследованиях, связанное с перемещением фокуса ее интереса на возникающие и доминирующие социальные проблемы, оказывающие серьезное влияние на индивида, общество и различные социальные группы. В течение последних пяти десятилетий такая социология социальных проблем, похоже, утверждается в качестве «шриланкийской социологии» как в академических кругах, так и среди широкой читательской аудитории.

> «Социология социальных проблем»

Большая часть работ, относящихся к «социологии социальных проблем», по всей видимости, следует традиции ранней американской социологии, такой как, например, «Общество на углу улицы» (*Street Corner Society*, 1943) В. Ф. Уайта, «Банда» (*The Gang*, 1927) Фредерика Трэшера или «Польский крестьянин» в Европе и Америке (*The Polish Peasant in Europe and America*, 1918) Ф. Знанецки и В. И. Томаса. Именно эти работы, а не европейская теоретическая социология или американская социология середины двадцатого века, базирующаяся на сильных

“ В течение последних пяти десятилетий социология социальных проблем, похоже, утверждается в качестве «шри-ланкийской социологии» как в академических кругах, так и среди широкой читательской аудитории”

философских основаниях, внесли огромный вклад в развитие теоретического дискурса о локальных микросоциальных проблемах. Большинство социологических работ, публикуемых сегодня в Шри-Ланке, базируются на данных, собранных в результате обширных полевых исследований, как качественных, так и количественных, с акцентом на многочисленные социальные проблемы, возникающие в современном шриланкийском обществе. Однако этим трудам не достаёт выраженной концептуальной основы, теоретической строгости и концептуальной надёжности, ожидаемых от научной работы. Эта ситуация приводит к появлению огромного количества социологической литературы в стиле близком к «журналистской социологии». Тем не менее, важно подчеркнуть популярность таких исследований среди широкой аудитории, в особенности, потому что они не нагружают читателя серьёзными теоретическими дискуссиями, что нельзя недооценивать в аспекте привлечения общественного внимания к социологической профессии.

Сегодня социологию преподают во многих университетах Шри-Ланки; однако наблюдаются заметные

различия как в уровне преподавания, так и в рассматриваемой тематике. Последствия социальных процессов все ещё отражаются на производстве социологического знания. Так, например, смена государственной языковой политики в 1956 году привела к непредвиденным последствиям. Язык большей части населения, сингальский, стал единственным государственным языком; вместе с тем не получает государственного признания тамильский, язык меньшинства; английский – является единственным языком международного общения в этой стране. Вслед за реформой последовала серьёзная «утечка мозгов», а смена языков обучения в школьной системе с английского на местные языки привела к тому, что новое поколение лишилось возможности изучать язык международного общения и получать доступ к глобальным знаниям. Тем не менее, учитывая огромные системные и структурные изменения, которые переживает общество, и многочисленные стратегии, используемые людьми для совладания с новой реальностью, разнообразие в формирующемся корпусе социологических трудов, безусловно, вдохновляет.

Однако возникает вопрос: «Может ли совокупность работ, относящихся к «социологии повседневной жизни», считаться «социологией»?» Макс Вебер в своей работе Наука как призвание (1919) пишет: «В наши дни в кругах молодежи широко распространено представление о том, что наука становится [...] расчётом, включающим только холодный интеллект, а не сердце и душу». Социология – это не только наблюдение, интерпретация и комментирование, но и «идеи», возникающие в результате «тяжелой работы». Этой тяжелой работе, безусловно, будут способствовать знания, заложенные нашими предшественниками. Отсутствие теоретической строгости, которое также является следствием других факторов, включая владение языком, доступность ресурсов и стремление к глубокому изучению реальной науки, может размыть границы между повседневной социологией и повседневной журналистикой. Социологи Шри-Ланки должны приложить совместные усилия, чтобы, пока не поздно, оградить социологическую дисциплину от глубоко укоренившейся посредственности. ■

Адрес для связи:
Субханги М. К. Хэрат <subhangi@soc.cmb.ac.lk>

> Размышляя о мире, конфликтах и насилии

Калинга Тюдор Сильва, Университет Перадени, Шри-Ланка

Последняя фаза гражданской войны. 2009 г. Перемещенные тамилы покидают территорию, захваченную повстанцами LTTE, и направляются на территорию, контролируемую вооруженными силами Шри-Ланки.

Социология Шри-Ланки началась в 1960-е гг. с этнографических и исторических исследований, проводимых учёными локального и международного уровня в целях понимания стабильного и, в значительной степени, мирного общества. Они пытались раскрыть основные принципы, формирующие такие устойчивые институты, как родство, землевладение, религия и каста. В последующие десятилетия исследователи столкнулись с различными формами жесточайших социальных конфликтов, и были фактически застигнуты врасплох и не готовы к изучению этих новых реалий и противодействию им. В настоящем эссе рассматривается сущность насильственных конфликтов в Шри-Ланке, начиная с 1970-х годов; подходы, применяющиеся исследователями для их анализа, проблемы, с которыми они столкнулись, и уроки, которые можно извлечь из этих исследований для обеспечения мирного развития общества.

> Острое и хроническое насилие

Насилие, развернувшееся в Шри-Ланке с 1970-х годов, принимало самые разные формы. Назовем основные проявления насилия. В 1971 году

антигосударственные политические выступления Народного фронта освобождения (*Janatha Vimukthi Peramuna, JVP*), и марксистского молодежного повстанческого движения на юге Шри-Ланки, привели к беспрецедентным государственным репрессиям. Своими действиями с 1987 по 1989 год милитантное этнонационалистическое сепаратистское движение тамилы в Северной Шри-Ланке, Тигры Освобождения Тамил-Илама (*Liberation Tigers of Tamil Eelam*, далее *LTTE*), развязало затяжную войну (1983–2009 гг.), вызвавшую серьезные нарушения прав человека с обеих сторон. В июле 1983 года мы стали свидетелями жестокой вспышки этнического насилия сингалских боевиков против тамильских мирных жителей. В пасхальное воскресенье 21 апреля 2019 исламские террористы совершили нападение на туристов и христиан.

По мере своего укоренения насилие принимало хронические и острые формы, как со стороны сотрудников правоохранительных органов, так и их противников. Все эти конфликты представляли серьезную угрозу национальной безопасности. Начиная с 1970-х годов, на всех национальных выборах наблюдались регулярные

эпизоды постэлекторального насилия, как правило, направленные на проигравших. По словам Джонатана Спенсера, «насилие в Шри-Ланке часто ориентировано на усиление обычной политики, а не полный отказ от нее как таковой».

В основе насилия лежало представление об идентичности как о чем-то монолитном, будь это этническая, религиозная, классовая или кастовая идентичность. Конфликты, связанные с идентичностью, требовали социологического рассмотрения не только потому, что прослеживалась их историческая преемственность, но и потому, что они не поддавались строго экономическому или политическому анализу смежных дисциплин. Сингалско-буддийская элита ориентировала националистическую политику страны после обретения ею независимости на этнорелигиозное большинство, составляющее более 70% населения. Контрмобилизация тамильских и мусульманских меньшинств призывала к пониманию динамичного взаимодействия идентичностей, интересов и коллективной мобилизации в постколониальной ситуации, сопровождавшейся различными этнонационалистическими настроениями.

> Препятствие социологической деятельности

Названные события поставили перед социологией и антропологией серьезные задачи. Однако, доминирующая сингальско-буддийская идеология, например, стремилась подавить любые критические высказывания. В частности, С. Дж. Тамбиак в своей книге *Buddhism Betrayed?* [Преданный буддизм? 1992] обратил внимание на парадокс, связанный с буддизмом, объективно ненасильственной доктриной, которая использовалась в Шри-Ланке для провокации насилия против тамиллов. Книга была запрещена, а сингальские националистические ученые подготовили пропагандистские материалы на сингальском языке, опровергающие содержание книги и содержащие нападки не только на ее автора, всемирно известного шри-ланкийского антрополога из протестантских тамиллов, но и на саму дисциплину. Такой образ мышления стал контекстом для целого поколения шриланкийских социологов, включая Гананатха Обейсекере, Х. Л. Сеневираатне, Китсири Малалгоду, Валентина Даниэля и Чандру Джаявардену, которые эмигрировали и продолжили свои критические исследования Шри-Ланки за пределами страны. Лишь горстка социологов во главе с Ньютоном Гунасингхе решила продолжить борьбу внутри страны. Как правило, позиция исследователя вступала в конфликт с гегемонным национализмом, выступающим против любой критики, исходящей как из самой страны, так из-за границы. Со своей стороны, LTTE жестко реагировала на любую критику тамилских интеллектуалов, заклеивая их как предателей тамильской борьбы. Таким образом, динамика конфликта препятствовала социологической деятельности, сделав независимый объективный анализ трудным, а то и вообще невозможным.

По мере того как гражданская война прогрессировала, насилие все больше укоренялось, при этом силы национальной безопасности, гражданское ополчение, вооруженные банды и контрабандисты наркотиков попеременно, в зависимости от контекста, то работали в сговоре, то конфликтовали друг с другом. Война окончательно завершилась в 2009 году, но насилие продолжалось. Волна антимусульманских нападений, инициированная воинствующими буддийскими монахами, прокатилась по стране в 2012–2020 гг.; предполагаемые исламисты организовали теракт 21 апреля 2019 года. Вслед за этим 13 мая в отдельных районах страны были совершены вооруженные нападения на ни в чем не повинных мусульман. Помимо физического насилия происходит разрушение собственности, практикуются запугивание, угрозы, принуждение, кампании ненависти с использованием средств массовой информации/электронных СМИ и рутинизация практик дискриминации, как со стороны государственных органов, так и гражданского населения. Как отмечают многие исследователи, постепенно институционализируется культура безнаказанности.

> Ущерб от мажоритарной политики

Иллюстрацией происходящему может послужить государственная языковая реформа. Политика просингальского Объединенного народного фронта (*People's United Front*), получившая широкую народную поддержку в 1956 году, стремилась преодолеть дискриминацию в отношении обычных людей со стороны привилегированного англоязычного класса, правившего страной, начиная с колониальной эпохи. Официальная языковая политика, ориентированная на сингальское большинство, фактически дистанцировала тамиллов от шриланкийского государства, ограничив их возможности найти работу в государственном секторе.

Мажоритарный уклон не позволил шри-ланкийской элите понять, что такая языковая политика неизбежно приведет к маргинализации жителей, говорящих на тамильском языке. В то время социология только начинала формироваться в Шри-Ланке, и исследования языковой политики в основном проводились сингальскими националистически ориентированными учеными, которые поддерживали официальный курс. Оборотная сторона этой политики стала очевидной несколько лет спустя, и в государстве начал складываться более гибкий подход к использованию тамильского языка. Однако к тому времени ущерб был уже нанесен.

Государственная политика в области образования, колонизации и развития следовала той же схеме, что и в отношении официальных языков. Эти политики обеспечивали явное преимущество сингальского большинства, и основные сингальские политические партии участвовали в конкурентной борьбе в интересах большинства. Структурная и культурная динамика часто работала в унисон, чтобы обеспечить легитимность спирали насилия, охватившей островное государство.

Что касается последствий такой политики для гражданского мира, то любые специальные меры вряд ли будут успешными. Это связано с тем, что в Шри-Ланке после обретения независимости сформировалась определенная политическая архитектура со встроенными механизмами, позволяющими саботировать любое вмешательство в укоренившиеся представления и практики. Хотя небольшие изменения могут иногда вызывать подвижки в политике, тем не менее, мы находимся в ситуации, когда любые уступки меньшинствам будут отменены. Это главный вызов шриланкийской социологии здесь и сейчас. ■

Адрес для связи:
Калинга Тюдор Сильва <kalingatudorsilva@gmail.com>

> Анализируя насилие: формирование государства Шри-Ланка

Фарзана Ханиффа, Университет Коломбо, Шри-Ланка

В июле 1983 года в Шри-Ланке разразился этнический конфликт, который стал поворотным пунктом в истории страны, за которым последовали, в частности, разрыв отношений между преимущественно сингальским по составу южным правительством и шри-ланкийскими тамилами, а также массовая эмиграция тамилы и диаспоры. В связи с этими событиями, как отмечает Прадип Джеганатан, антропологическая дисциплина начинает проявлять интерес к пониманию «насилия».

Сразу после конфликта 1983 года вышло несколько важных публикаций. Среди них – книга под редакцией Джеймса Мэнора *Sri Lanka in Change and Crisis* (1984) [Перемены и кризис в Шри-Ланке], в которую внесла вклад большая группа антропологов, многие из которых были в Шри-Ланке в июле того года. Гананат Обейсекере, Джонатан Спенсер, Элизабет Ниссан и Родерик Стиррат подготовили сборник мини-эссе, отметив в них наиболее важные характеристики момента. Всего два года спустя была опубликованы работы Стэнли Тамбия, затем Брюса Капферера и значительно позже – Валентайна Дэниела и Прадипа Джеганатана.

> Контекст 1983 года

Объединенная национальная партия (далее ОНП) находилась у власти с 1977 года, а в 1978 году в стране была проведена экономическая либерализация. Авторитаризм режима ОНП проявился сразу после выборов 1977 года (когда постэлекторальное насилие в отношении тамилы настойчиво продолжалось в течение целого месяца). Эта тенденция усилилась и достигла своей высшей точки за год до беспорядков, связанных с

референдумом 1982 года, позволившим действующему правительству, поддержанному большинством в две трети голосов, остаться у власти еще на один срок без проведения выборов. Противодействие референдуму было значительным, и ОНП довольно жестко отреагировала на него, мобилизовав большое количество членов своего профсоюза *Jathika Sevaka Sangamaya* (далее JSS). Сам JSS был создан, чтобы подорвать социальную базу левых партий в профсоюзном движении, и его идеология была не социалистической, а националистической. Запугивание и терроризм со стороны ОНП по отношению ко всем оппозиционерам, в том числе в судебных органах, было описано Стэнли Тамбия (1986) и Гананатом Обейсекере (1984) как контекст насилия 1983 года.

> Антропологический анализ насилия

В 1983 году также появились другие публикации. Яни Де Сильва подробно анализирует, каким образом производство знания после 1983 г. привело к появлению таких значимых трудов, как *Ethnicity and Social Change in Sri Lanka* (1984) [Этничность и социальные изменения в Шри-Ланке] and *Facets of Ethnicity in Sri Lanka* (1987) [Аспекты этничности в Шри-Ланке]. В первой книге предпринимается попытка разрушить миф об этническом превосходстве (сингалов); авторы второй публикации критикуют как сингальский, так и тамильский национализм, а также структурные условия, которые их порождают. Критика социальных исследователей стала ответом на «беспорядки»: авторы стремились повлиять на дискурс и политику власть имущих.

Антропологи также занимались выявлением «культурных» основа-

ний масштабов и жестокости насилия, для понимания которого было недостаточно отсылки исключительно к политическим и экономическим предпосылкам.

Ученые искали подходы для объяснения гнева и насилия, проявляемых (в основном) сингальской мафией, которую один из исследователей охарактеризовал как «в остальном мирных людей». Эти работы во многом опираются на аналитическую рамку, разработанную Брюсом Капферером и, в некоторой степени, Джонатаном Спенсером (хотя Спенсер не согласен с характеристикой насилия, данной Капферером). Антропологи рассматривают элементы коллективного сингальского сознания как контекст, объясняющий природу насилия, порождаемого в пространстве, созданном политическими эксцессами ОНП. Капферер описал насилие как демоническое (явление) и утверждал, что во многом оно объясняется особой онтологией сознания сингалцев, аналогичного тому, которое возникло в демоническом мире экзорцизма. В комплексном анализе, учитывающем контекст насилия и классовые антагонизмы, мобилизованные в насильственных действиях, Капферер сравнивает насилие с экзорцизмом. Спенсер трактует насилие несколько по-другому, как составляющую механизма, с помощью которого власть освобождается от приличий учтивого поведения, пронизывающих общественную жизнь сингалов. Спенсер также утверждает, что Тигры Освобождения Тамил-Илама (*Liberation Tigers of Tamil Eelam*, далее LTTE), сингальская партия, «победившая» на севере страны, своими насильственными действиями «соответствовала сценарию», изложенному в храмовой хронике «Махавамса»

>>

– основополагающем тексте, формирующем представление о тамилах в сингальском сознании. Сингальская историография последовательно изображала сингальских королей как истребляющих «тамильских захватчиков».

Валентайн Дэниел считает, что сингальский и тамильский подходы к пониманию прошлого также могут помочь в объяснении жестокости насилия. Дэниел утверждает, что одно из структурных условий насилия может быть обнаружено в кардинальном различии отношения двух народов к прошлому. Одну установку он обозначил как «эпистемическую», а другую – как «онтическую». Дэниел приходит к выводу, что непризнание идентичности другого, а также тревога и «радикальные сомнения» относительно собственной идентичности, вызванные недостатком признания, можно рассматривать как контекст возникновения насилия.

> Политика культивируемых антагонизмов

И Дэниела, и Капферера критиковали за их «культурологические» и эссенциалистские подходы к анализу насилия; при этом многие критики призывали к более детальному анализу действий и организации преступников. Тем не менее важно отметить, что изложенные выше культурологические идеи и соответствующие им описания 1983 года сами по себе являлись способом понимания шри-ланкийской политики того времени, находящейся под сильным влиянием антагонизма тамильского и сингальского национализмов. Такой анализ исключает понимание структурных особенностей, которые, казалось, требовали создания и поддержания антагонистических диадических отношений в политических целях.

Объяснительный потенциал культурологического объяснения насилия

исчерпал себя ввиду необычайного ужесточения войны. Представления о «культуре враждебности между сингалами и тамилами, имеющей статус примордиальной вражды», препятствовали дальнейшим исследованиям политической системы, которая поддерживает антагонизмы. Сегодня уже почти десятилетие мы культивируем другой антагонизм – между сингалами и мусульманами – и переживаем в настоящее время масштабную атаку со стороны исламских боевиков. В настоящее время чаще всего мы интерпретируем эти события в контексте международного терроризма. Однако весьма полезно вновь обратиться к анализу событий 1983 года, чтобы извлечь уроки из изучения этого опыта разжигания вражды. ■

Адрес для связи:
Фарзана Ханиффа <ffhaniffa@gmail.com>

> Размытые границы: антропология и социология Шри-Ланки

Премакумара де Сильва, Университет Коломбо, Шри-Ланка, член ИК МСА по вопросам социологии религии (ИК22)

В Шри-Ланке существует давняя традиция социологических и антропологических исследований, о чем свидетельствует обширный корпус работ иностранных и местных исследований, посвященных различным аспектам шриланкийского общества и культуры. Значимость их вклада можно оценить по библиографическим обзорам Яна Гунетилеке (1979) и опубликованным результатам полевых исследований таких ученых, как Лиз Ниссан (1987), Брюс Капферер (1990), Майкл Робертс (1997), Тюдор Сильва (1990, 2000), Суванта Гунатилеке (2001), Сасанка Перера (2005, 2014), Сири Хеттиге (2010) и Сири Гамаге (2014). Однако предметом настоящего краткого эссе является взаимосвязь между социологией и антропологией в Шри-Ланке и конкретные сферы исследований, в которых антропологи и социологи сотрудничают.

> Пересечение антропологии и социологии

Прошло более 60 лет с тех пор, как антропология и социология стали предметом изучения в университетах Шри-Ланки. Несомненно, что социология сегодня – одна из самых популярных у студентов дисциплин. Примечательной особенностью образовательного контекста

Шри-Ланки является то, что четкое разделение между антропологией и социологией не проводится. Ученые, прошедшие обучение на родине или за границей в рамках традиций антропологии и социологии, часто работают на факультетах социологии в университетах Шри-Ланки. Как и многие другие шриланкийские социологи, я сам прошел обучение в рамках обеих традиций. Другой заметной особенностью является то, что подавляющее большинство социологов и антропологов Шри-Ланки сосредотачивают свои исследовательские усилия на своем обществе, и лишь немногие проводят исследования в других странах. Работа С. Дж. Тамбийи о Таиланде (о буддизме); Чандры Джайявардена о Гвинее и Фиджи (о рабочих на плантациях); и Арджуны Гунаратне о Непале (о системе родства) – явные исключения из общего правила. Что касается предметного содержания, эти дисциплины сложно разделить, поскольку почти все социологические факультеты в университетах Шри-Ланки разрабатывают программы для бакалавриата и магистратуры, сочетая обе науки и часто игнорируя границы, разделяющие социологию и антропологию. Студенты в конечном итоге получают дипломы по социологии. При этом некоторые эксперты утверждают, что в настоящее время то, что преподается и создается под именем антропологии и социологии

не соответствует международным стандартам.

> Исторический обзор

С исторической точки зрения антропологический и социологический интересы к культуре и обществу Шри-Ланки начал формироваться в разные исторические периоды. Антропология возникла в колониальную эпоху, а социология получила развитие в постколониальный период. В то время как антропология была во многом связана с колониальным господством, социология начала свое развитие под руководством американских ученых, во многом благодаря назначению Брюса Райана первым профессором социологии в Цейлонском университете в начале 1950-х годов. Возникновение традиции антропологических исследований на Шри-Ланке можно проследить, по крайней мере, с британского колониального периода. Начало этой традиции положил этнографический труд Селигмана (1911 г.) об общине аборигенов Вада. Во время Первой и Второй Мировых войн Шри-Ланка отставала в плане антропологических исследований. В 1949 году вскоре после обретения независимости, в университетах Шри-Ланки было введено преподавание социологии как отдельного предмета, и к 1959 году уже работала первая программа подготовки

докторов наук. В середине 1950-х гг. шриланкийскими и зарубежными учеными было написано много работ, представляющих большую этнографическую/социологическую ценность. На эти труды в дальнейшем опирались в своей социологической и антропологической деятельности такие ученые, как Брюс Райан (1953), Ральф Пейрис (1956), Эдмонд Лич (1960, 1961), Гананат Обейсекере (1966), Нур Ялман (1967), Китсири Малалгода (1976), Х. Л. Сеневиратне (1978) и Брюс Капферер (1983). Большая часть антропологических/социологических исследований в независимой Шри-Ланке не освещала напрямую проблемы недавно возникшего «национального государства», а скорее фокусировались на таких вопросах, как каста, родство, землевладение и народная религия.

«Иностранцы» антропологи, проводившие большую часть своих исследований на Шри-Ланке, прибыли преимущественно из британских, американских и австралийских университетов. Некоторые из них вносят выдающийся вклад в изучение культуры, общества и политики Шри-Ланки. Тем не менее, на их труды большое влияние оказали работы двух самых известных антропологов Шри-Ланки, Гананатха Обейсекере и С. Дж. Тамбийя, которые сделали

блестящую академическую карьеру в ведущих университетах Северной Америки. Местная антропологическая/социологическая традиция базировалась в основном на трудах этих антропологов; дальнейшие исследования, выполненные местными и иностранными учеными, в том числе исследователями шриланкийского происхождения из других стран, внесли значительный вклад в изучение ранее игнорируемых и новых социальных и культурных аспектов жизни общества Шри-Ланки.

> Смена интересов

С начала 1980-х годов социологи и антропологи смещают фокус внимания на изучение группового насилия в шриланкийском обществе – социального насилия с участием этнорелигиозных общин, а также уязвимых групп общества, таких как маргинализованная молодежь. Среди социологов и антропологов, работавших в Шри-Ланке после обретения страной независимости и внесших значительный вклад в эту проблематику, такие исследователи, как Ньютон Гунасингхе, Сири Хеттиге и Тюдор Сильва. Вернувшись в Шри-Ланку после докторантуры в зарубежных университетах, они начали исследовать такие темы, как социальное неравенство, сельские районы, идентичность молодежи

и насилие, а также общественное здравоохранение. Примечательно, что исследования насилия проводятся на основании сложившихся антропологических и социологических традиций.

В этом небольшом эссе представлен краткий обзор развития антропологии и социологии Шри-Ланки с момента создания первого факультета социологии в 1949 году и до сегодняшнего дня. Сегодня одиннадцать из пятнадцати университетов страны предлагают как минимум курсы бакалавриата по этим специальностям. Существование антропологических и социологических традиций в учебных курсах, исследованиях и публикациях проявляется в университетской системе в разной степени. Следует отметить значительное разнообразие академических институтов с точки зрения качества преподавания, исследований и публикаций, а также взаимосвязи ученых со сложившимися традициями антропологии и социологии. Именно в этом контексте необходимо формирование и поддержание общих стандартов преподавания, исследования и распространения информации в сложных и динамичных локальных и глобальных условиях. ■

Адрес для связи:
Премакумара де Сильва <prema@soc.cmb.ac.lk>

> Глобализация и зависимость: проблема пластиковых отходов в Китае

Пинар Темоджин, Университет Хиросимы, Япония

Пластиковые отходы на Филиппинах. Фото: Adam Cohn/flickr.com.
Некоторые права защищены.

Глобализация представляет собой интегральный процесс, который предполагает трансформацию социальной, культурной и экономической сфер общества. Этот процесс оказывает влияние на развитые и развивающиеся общества на макро и микроуровне. Глобализация привнесла значительные изменения и ставит нас перед новыми вызовами. Она сопровождается развитием новых форм экономического управления, которые оказывают влияние на окружающую среду.

Внимание к реалиям глобализации позволяет увидеть укорененную природу господства. Понятие зависимости как части процесса глобализации (или глобального мирового порядка) проливает свет на международную систему, построенную на компромиссе между странами, составляющими экономически витальное «ядро» (так называемые развитые страны) и бедными странами, относящимися к «периферии» (так называемые развивающиеся страны). В контексте экономического цикла мы наблюдаем корреляцию между зависимостью

>>

и эксплуатацией ресурсов. Развивающиеся страны зависят от развитых экономик в отношении торговли отходами. Такой вид зависимости можно рассматривать как следствие глобализации.

Глобализация способствовала более тесным экономическим связям между Глобальным Югом и Глобальным Севером. Однако характерные для этих отношений двунаправленные траектории стали гораздо более сложными. В этом номере представлен более внимательный взгляд на иерархию, связанную с переработкой глобального мусора. Особое внимание уделено проблематике пластикового мусора в контексте цикла бедности в Китае. На этом примере рассматривается реальное соотношение сил в глобальном мире.

> Проблема пластикового мусора в Китае

Торговля пластиковыми отходами в Китае (которую иногда называют «мусорным кризисом») является наилучшей иллюстрацией того, как зависимость действует в новой мировой системе. Китай является крупнейшим импортером и переработчиком пластикового мусора (как страна, ставшая пунктом назначения для перерабатываемого мусора) и отвечающая за 56% глобального рынка отходов.

Взаимозависимость стран может привести к проблематичным экономическим эффектам. Страны, занимающиеся экспортом отходов, избавляются от последствий своей «зависимости от отходов», используя дешевые альтернативы и решения, которые скорее предполагают размещение импортируемого мусора в зоне невидимости, нежели его переработку. Совершенно очевидно, что страны-экспортеры выигрывают от status quo в отношении отходов и при этом находят в более благоприятных условиях в отношении окружающей среды. Страны, занимающиеся импортом отходов (например, Малайзия, Вьетнам, Таиланд, Индонезия и др.), страдают от условий, угрожающих здоровью населения, эксплуатации труда, загрязнения окружающей среды и т.п. Дело обстоит еще хуже. В связи с предполагаемой экономической прибылью ввоза отходов, страны-импортеры не могут сформировать серьезный механизм регулирования и контроля, ограничивающий импорт отходов. Хотя торговля отходами может показаться экономическим шансом для развивающихся стран, существует дисгармония между возможностью и токсичной реальностью.

Китай как развивающаяся страна становится «подопытным кроликом» такой дисгармонии, которая оказывает существенное влияние на ее окружающую среду и состояние здоровья населения, порождая его растущую токсичность (таким образом нарушается право человека на жизнь в здоровой и безопасной среде). Более того в таком контексте нарушаются права работников, которые занимаются сортировкой мусора, прибывающего из-за границы, в условиях бедности.

Экспортируя отходы, население развитых и индустриальных стран (напр., США, Япония, Австралия и проч.) получает более чистую защищенную среду и наслаждается более здоровым образом жизни. При этом китайские рабочие (сражающиеся с пластиковым загрязнением) и дети (которые не посещают школу, потому что работают в отрасли переработки мусора) страдают от последствий своей занятости. Поток материальных отходов, который направляется из промышленно развитых стран в развивающиеся для переработки в зоне невидимости, не способствует развитию индустрии и политики ресайклинга. Недавно этот процесс привел к социально-экономическому кризису в странах с высоким уровнем бедности, столкнувшихся с эгоизмом экспортирующих мусор промышленно развитых стран.

> Заключение

Несмотря на то, что проблема переработки пластиковых отходов в Китае долгое время замалчивалась или маскировалась экономическим ростом страны, она должна рассматриваться как проблема глобализации или глобального неравенства, для которого характерна продолжающаяся гегемония в отношении сортировки и менеджмента переработки мусора. Глобальная торговля отходами оказывает неравное влияние на страны. Она не столько способствует развитию стран-импортеров, сколько порождает протесты «борьбы за ресайклинг» или «борьбы с пластиком», вызванные перемещением мусора из богатых стран в Китай (и другие страны Южной Азии). Более того, торговля отбросами является отражением устойчивой реальности экономики отходов, в рамках которой контроль Глобального Севера над развивающимися странами приводит к блокировке, которая не позволяет Югу развиваться по собственному сценарию и двигаться к более справедливому мировому порядку. ■

Адрес для связи: Пинар Темоджин <pnrtemocin@hotmail.com>